

Антоний Блюм

Митрополит Суражский Антоний Блюм родился 19 июня 1914 г. в Лозанне. Отец его состоял в русском императорском дипломатическом корпусе, что и послужило причиной того, что детские годы будущего митрополита прошли в России и в Персии. Во время революции семье Антония Блюма довелось покинуть Персию. Они обосновались в Париже, где Антоний и получил светское образование - изучал физику, химию и биологию. Защитил докторскую диссертацию по медицине в Парижском университете. Во время второй мировой войны вплоть до оккупации служил офицером французской армии, а затем работал хирургом в одной из парижских больниц, принимал участие в деятельности движения Сопротивления. В 1943 г. Антоний Блюм дал монашеский обет, но остался в миру и продолжал трудиться в Париже. В 1948 г. был рукоположен в священники. В 1949 г. переехал в Англию, где и служил в православной церкви св. Албания и св. Сергия. В 1950 г. был назначен протоиереем русского патриаршего прихода в Лондоне. В 1958 г. был посвящен в епископы, а в 1962 г. - в архиепископы Британии и Ирландии. В 1963 г. был назначен патриаршим Экзархом в Западной Европе, а в 1966 г. стал митрополитом. Антоний Блюм принимает активное участие в межцерковной и экуменической работе, был членом русской церковной делегации на Всемирных конгрессах церквей в Дели (1961 г.) и в Женеве (1966 г.).

Интервью с архиепископом

Антонием Блюмом

Интервьюер Тимоти Вильсон: Вы родились в России?

Антоний Блюм: Я родился в Швейцарии, потому что мой отец был дипломатом и случилось так, что ко времени моего рождения он служил в Швейцарии. Семья наша вернулась в Россию как раз накануне Первой мировой войны.

Т.В.: И что же произошло дальше?

А.Б.: Отец мой направился служить на Восток, в Персию, где и прошли годы моего детства.

Т.В.: Что же произошло с вашей семьей после революции?

А.Б.: Мы проехали северную часть Персии на телегах, запряженных лошадьми. Порой, и просто верхом. Затем перевалили через горы Курдистана, а затем направились вниз по рекам Тигр и Евфрат в Берже. В конце концов, мы погрузились на маленькое английское судно, следовавшее в Индию, а затем пересели на пароход, идущий в Саутгемптон. Но мы туда так и не добрались. Когда мы погрузились, нас предупредили, что судно слишком ветхое, чтобы противостоять шторму. Я исполнился самых радужных надежд - мечтал стать кем-то вроде Робинзона и очутиться на необитаемом острове. Я никак не мог понять, почему моя мать столь неромантична и уповает на хорошую погоду. Но, как бы там ни было, Бог принял сторону взрослых - мы благополучно высадились в Гибралтаре. Но дальше судно не пошло - оно уже не могло передвигаться. Часть нашего багажа отправилась в Саутгемптон - мы получили его только четырнадцать лет спустя и даже уплатили при этом один фунт пошлины. А сами мы направились - через Испанию, Францию и Австрию - в

Югославию. Вскоре мы возвратились в Австрию - там я начал посещать школу. А в 1923 г. мы окончательно переехали во Францию, где и обосновались и прожили где-то 27 следующих лет.

Т.В.: Какое волнующее, романтическое детство! Но как же жил ваш отец? Чем он занимался?

А.Б.: Он, разумеется, расстался с дипломатической службой и решил поставить крест на прошлом. Он считал, что несет ответственность за трагические события, происшедшие в России. Он стал - добровольно - чернорабочим. Он, пока хватало сил, работал на железной дороге, заводах и фабриках. Потом выполнял канцелярскую работу. Он никогда и не помышлял вернуться к прежнему образу жизни, потому что считал, что прошлое кануло в вечность, а ему надлежит нести ответственность за все случившееся в России.

Т.В.: Ваш отец, очевидно, был замечательным человеком. Хорошо ли вы его помните?

А.Б.: Я помню многие из его высказываний. Две его фразы, в сущности, произвели на меня глубокое впечатление и остались при мне на всю жизнь. Я запомнил, как он мне сказал как-то после праздника: «Я о тебе беспокоился». Я спросил: «Ты боялся, чтобы со мной не случилось несчастье?» «Это бы еще ничего, даже если бы ты оказался убит. Я боялся, как бы ты не утратил чистоту». А в другой раз он мне сказал: « Навсегда запомни, жив ты или умер - имеет мало значения. Важно то, ради чего ты живешь и готов умереть». Эти слова стали основой моего воспитания и показывают, какое представление о смысле жизни я получил от отца.

Т.В.: Какое образование вы получили в то время?

А.Б.: Я учился в обычной школе и с двенадцати лет начал работать. Я давал уроки младшим детям, чтобы заработать на учебники, которые мне были необходимы для занятий в школе.

Т.В.: Что вы преподавали?

А.Б.: Арифметику и все остальное, что я уже знал, а они еще нет. Потом я преподавал латынь - я ее хорошо знал. Благодаря этой работе, оплачивал свои занятия в университете. Я ежевечерне давал три-четыре урока: по физике, химии, латыни - и это приносило достаточно денег на жизнь в период учебы.

Т.В.: У вас была очень нелегкая жизнь. Или не так?

А.Б.: Да. В будни я сам учиться не мог - все приходилось делать вечером в субботу и в воскресенье, а иногда на занятия уходила и целая ночь. Обычно я ложился спать в восемь утра и спал до двенадцати, а по пробуждении, сразу садился за работу. Я едва выдерживал такую нагрузку, но ведь это давало мне возможность учиться.

Т.В.: В то время вы уже учились медицине?

А.Б.: После школы я поступил в Сорбонну, где занимался физикой, химией, биологией. Окончив этот курс, я поступил на медицинский. Перед самой войной, в 1939 году, я закончил медицинский факультет.

Т.В.: Так что врачом вы стали в 1939 году?

А.Б.: Да. Но в сентябре 1939 года меня призвали на службу в армию. В войне я участвовал в двух качествах. В начале и в конце войны был хирургом во французской армии, а в середине ее - принимал участие в деятельности французского движения Сопротивления.

Т.В.: Во время немецкой оккупации вы работали во французском госпитале?

А.Б.: Какое-то время я работал в госпитале, но затем это стало небезопасно, поскольку там велась работа движения Сопротивления, к которой я тогда и примкнул. Тогда я на некоторое время стал школьным учителем.

Т.В.: Вас ни разу не поймали?

А.Б.: Нет, ни разу. Боюсь, что героем я никогда не был. Даже в те времена.

Т.В.: Вы себя считаете французом?

А.Б.: До 1937 года я был человеком без подданства. В 1937 году я получил французское гражданство и до сих пор считаюсь французом, но это чисто формально, поскольку сам себя считаю русским, как и все мое поколение. По воспитанию и культуре я не могу считать себя до конца ни русским, ни французом. В России я ощущаю себя русским. Потому что здесь мой язык, это моя страна, но как эмигрант я не принадлежу к ней. А за границей я слишком русский, чтобы полностью раствориться в окружающей среде.

Т.В.: Как вы пришли к христианству? Был ли у вас какой-нибудь поворотный пункт?

А.Б.: Это произошло как-то постепенно. Лет до пятнадцати я не верил в Бога и вообще был настроен резко антиклерикально. Я не знал Бога, не интересовался им. И даже ненавидел все, связанное с идеей Бога.

Т.В.: В отличие от отца?

А.Б.: Да. И скорее всего потому, что до пятнадцати лет у меня была очень тяжелая жизнь. У нас не было общего дома. Я жил в школьном пансионате. В тяжелой и грубой атмосфере. Все члены моей семьи обитали в разных местах в Париже. Мы собрались под одной крышей, когда мне было уже четырнадцать лет - и это было счастьем, радостью. Странно вспоминать, что в домишке, расположенном в предместье Парижа, я чувствовал себя полностью счастливым, но именно так оно и было. Впервые после революции мы ощутили себя дома. Но, надо сказать, что еще до этого я столкнулся с одним, поразившим меня, явлением. Мне было что-то около одиннадцати, когда меня отправили в летний лагерь, где я повстречал священника лет тридцати. Он поразил меня тем, что у него находилась любовь для каждого из нас. И любовь эта его не зависела от того, хороши мы были или плохи. Он нисколько не менялся, когда мы поступали гадко. Это была способность к любви, не зависевшей ни от чего. С подобным человеком я никогда раньше не встречался. Дома меня любили - и я считал это вполне естественным. У меня были друзья, и это тоже казалось вполне естественным, но с подобным проявлением любви я до этого еще не сталкивался. В то время я никак этого не объяснял для себя. Просто этот человек показался мне необыкновенно милым и удивительным.

Через несколько лет, когда я уже узнал Евангелие, мне пришло в голову, что он любил всех высшей любовью. Он дарил нас всех божественной любовью. Или же, если вы предпочитаете другую формулировку, его человеческая любовь так глубока и всеохватывающа, что он мог всех нас одарить ею - и в радости, и в боли -, все мы были включены в одну любовь. Это был первый духовный опыт в моей жизни.

Т.В.: А что было потом?

А.Б.: Ничего. Я возвратился в интернат, и все шло по-прежнему, пока вся наша семья не собралась под одной крышей. Я вдруг открыл, что счастье, если оно бесцельное - абсолютно непереносимо. Я не мог примириться с бесцельным счастьем. Бедствия и страдания надо превозмочь, потому что существует нечто выше их, над ними. Но поскольку я не видел смысла в счастье и тогда еще ни во что не верил, оно представлялось мне пресным. И тогда я решил, что дам себе год, чтобы выяснить, есть ли смысл в жизни. Если же в течение года я не обнаружу смысла в жизни, то, решил, жить не стану, покончу с собой.

Т.В.: Какой же выход из этого беспредельного счастья вы нашли?

А.Б.: Я стал искать смысл жизни не в целенаправленности. Учиться для того, чтобы стать полезным членом общества - это было малоубедительно. До этого вся моя жизнь состояла из насущных задач и непосредственных целей - и вдруг все они оказались пустышками. Я переживал душевную драму - все вокруг казалось мне мелким и бессмысленным.

Шли месяцы, а я не видел на горизонте никакого решения. Однажды, это произошло во время Великого поста, а я состоял членом русской юношеской организации в Париже, - ко мне подошел один из лидеров и сказал: «Мы пригласили священника, чтобы он поговорил с нами. Приходи». Я с возмущением отказался. Мне не нужна была церковь. Я не верил в Бога. Я не желал тратить время зря. Лидер был человеком тонким. Он сказал, что все члены моей группы ответили так же, как и я. И если никто не придет, мы окажемся в неловком положении, потому что священник уже здесь - что за срам выйдет, если никто не явится... «Ты не слушай его - мне это все равно. Просто посиди, чтобы физически присутствовать...». У меня хватило лояльности в отношении моей организации, чтобы согласиться. И я присутствовал на лекции. Слушать я не собирался, но слух невольно ловил слова. Возмущение во мне росло. Я получил такое представление о Христе и христианстве, которое для меня было отталкивающим. Когда лекция закончилась, я побежал домой, чтобы проверить, правду ли он говорил. Дома я спросил у матери, есть ли у нас Евангелие. Ничего хорошего от своего чтения я не ожидал, поэтому я пересчитал главы всех четырех Евангелий для того, чтобы прочесть самое короткое, не тратя времени понапрасну. Я начал читать Евангелие от Марка.

Едва я начал читать - и даже не дошел еще до третьей главы, - как вдруг почувствовал возле моего стола некое *присутствие*. И чувство, что это Христос стоял там, было так остро и сильно, что уже никогда не покидало меня. Это и был настоящий поворотный пункт. Христос жив. И я знаю, что он приходил ко мне, а потому могу сказать с уверенностью, что все сказанное в Евангелиях о распятии Пророка из Галилеи - истинная правда. И центурион понял правду: «...истинно Человек сей - сын Божий». В свете Воскресения я мог с уверенностью читать все изложенное в Евангелиях, зная, что все в них

истинно, потому что невероятный факт воскресения из мертвых обладал для меня большей достоверностью, чем любое историческое событие. Истории я должен верить, а о Воскресении я знал, как о достовернейшем из фактов. Как видите, я не открыл для себя Евангелие постепенно, начиная с Благой Вести, и оно не стало для меня рассказом, которому можно верить или не верить. Оно пришло ко мне как событие, которое отстраняло все проблемы и сомнения, потому что для меня это был мой личный опыт.

Т.В.: И эту уверенность вы сохранили на всю жизнь?

А.Б.: Я обрел абсолютную уверенность в том, что Христос жив, и еще некоторые вещи существуют. У меня не было ответов на все вопросы, но я твердо знал, что эти ответы будут - и все возможности, объяснения откроются. Это я и называю верой - не сомневаться из-за растерянности и неясности, но сомневаться, чтобы открыть реальность жизни. Это тот род сомнений, который заставляет вас искать, спрашивать и открывать еще более глубокие вещи, а вовсе не то сомнение, что толкает на исследование.

Т.В.: Когда вас рукоположили?

А.Б.: Меня рукоположили в 1948 году, но еще раньше я постригся в монахи. Это было сделано втайне из-за несовместимости монашеского обета и профессиональной медицинской работы. Я жил жизнью монаха под покровом медицинского труда, стараясь сохранять внутреннюю верность твердости, нищете, чистоте, послушанию, но при этом выражая эти обеты в форме медицинского долга. Как во время войны, так и потом, после победы, когда я стал практикующим врачом. Лишь когда я стал священником, мои монашеские обеты перестали быть тайной. Сейчас такая нужда в священниках, что ни один из людей моего поколения, который постригся в монахи, рассчитывая вести уединенную, замкнутую монашескую жизнь, такой возможности не получил. Наши епископы призывают всех нас и посылают на работу священниками.

Т.В.: Вы и сейчас монах?

А.Б.: Да.

Т.В.: Но живете вы, так сказать, на рыночной площади...

А.Б.: Я не считаю, что жизнь на рынке чем-либо отличается от жизни в пустыне. Денежная нищета гораздо легче, чем бедность духовная и отсутствие привязанностей. Этому очень трудно научиться - привыкаешь постепенно. С годами вы научитесь познавать ценность вещей и смотреть на людей, ценя их сверхкажущуюся красоту безо всякого желания завладеть ими. Сорвать цветок - значит завладеть им, но равно означает и убить его. Обет нищеты научил меня по-особому ценить все. Первое, чему должен научиться человек - так это внутренней свободе. Порой, вам приходится физически выключать себя, чтобы вникнуть в то, что является внутренним миром другого человека, смириться с тем, чтобы он жил по собственным законам, а не становился зеркальным отражением вас самих, ваших измерений и эмоций.

Часто мы говорим: « Я люблю тебя», - употребляя при этом огромное «Я» и крошечное «тебя». Не стоит вглядываться в пространство, ища там Бога. Вместо этого надо пристально глядеть на соседа, ибо он существует по воле Божией - и Христос умер ради его спасения. Каждый, кого мы встречаем, имеет право на

существование и обладает ценностью сам по себе, но мы к этому не привыкли. Приятие другого в его неповторимости трудно для нас - мы ощущаем в этом опасность: другой угрожает нам именно потому, что он - «другой». Признать право другого быть самим собой равносильно признанию его права убить меня. Но мы не имеем права ограничивать его самость. Любовь трудна. Христа распяли потому, что он проповедовал любовь, которая ужасает людей - она прочитывается ими как смерть.

Т.В.: Что вы понимаете под этим?

А.Б.: Обращаясь к Богу, становясь лицом к лицу с Ним, мы должны приготовиться платить за это. Если мы не готовы платить, то мы пройдем через жизнь нищими, надеясь, что заплатит кто-то другой. Но, обратившись к Богу, мы открываем, что жизнь глубока, прекрасна - и что жить стоит. Тогда-то и можно приступать к молениям - это настоящая молитва, когда стоишь лицом к лицу с Богом, попросту находишься рядом с Богом.

Т.В.: Давайте возвратимся к тому периоду, когда вы, будучи тайным монахом, работали врачом. Что дал вам этот опыт?

А.Б.: Я приведу вам один пример из жизни. К нам в госпиталь, когда я работал военным хирургом, чей палец был ранен пулей. Главный хирург осмотрел его и сказал: «Надо ампутировать палец». Это было самое простое, скоропалительное решение, занявшее не более двух минут. Я поговорил с раненым и узнал, что он - часовщик. Лишившись пальца, он не сможет работать. Мы потратили пять недель, лечя раненый палец. Из госпиталя он вышел со всеми пальцами. Благодаря этому случаю я понял, что то, что он был часовщиком, столь же важно, как и все остальное. Я научился, в первую очередь, учитывать человеческие интересы.

Т.В.: А потом, после рукоположения, вы переехали в Англию?

А.Б.: Я переехал в Англию в конце 1949 года, имея назначение в англо-православный приход св. Албания и св. Сергия. Это могла показаться самонадеянным, поскольку тогда я не знал ни слова по-английски.

Т.В.: Думаю, вы быстро овладели английским?

А.Б.: Овладеть разговорным английским так, чтобы общаться, не вызывая насмешек, занимает не слишком много времени.

Т.В.: А сейчас у вас возникают какие-либо трудности общения? В конце концов, христианское учение - это не то, что можно легко объяснить людям...

А.Б.: Я не нахожу это проблемой. Я стараюсь жить каждой данной ситуацией, полностью входя в нее, но не запутываясь в ней. Дело в том, что я никогда не задаюсь вопросом, каков результат моих действий - это уже дело Бога. Единственный вопрос, который я задаю себе в жизни, это что я должен сделать. Что мне следует сказать... Все, что мы можем сделать, это всегда быть самими собой, верными себе по мере своих сил и предоставить Богу использовать нас, хотя бы и вопреки нам самим.

С кем бы и когда я ни говорил, я вкладываю в то, что говорю, всю мою веру, всю мою силу убеждений, всю свою жизнь. Не слова тут важны, а способность дойти до человеческого сознания. Это основа человеческих отношений, это то,

где мы встречаемся друг с другом. Если люди желают посмеяться надо мной, - пожалуйста. Но если в них зажжется лучик - и мы сможем понять друг друга, значит, мы действительно говорим о том, что нас всех глубоко трогает.

Т.В.: Не находите ли вы, что поверхностная культура современной английской жизни чрезвычайно затрудняет проповедь Евангелия?

А.Б.: Да, ведь Евангелие должно задевать не только интеллект, а всего человека. Англичане часто говорят: «Это очень интересно. Попробуем исследовать как идею». Но сами ничего для этого не делают. Встретить Бога: значит «зайти в пещеру к тигру». Вы встречаетесь не с котенком, а с тигром. Сфера Бога опасна. Но надо войти в нее, а не искать в ней информацию.

Т.В.: Что-нибудь поразило вас в Англии, когда вы впервые сюда приехали?

А.Б.: Да. Меня поразило отношение англичан к смерти. Умереть им кажется чем-то чуть ли не неприличным. А если вы уж настолько низко пали, что умерли, имеются специалисты, которые придут позаботиться, чтобы положить вас в гроб и подготовить к похоронам - гробовщики и все прочие... Где-то через две недели состоится хорошая заупокойная служба, когда каждый расправляет свои чувства до некоторого рода духовности. Я помню, как однажды приехал в Кембридж, в церковь, произнести проповедь о смерти. Там находился священник, который, по его словам, никогда не видел мертвого. Почему у них такое патологическое отношение к смерти? Разве естественно выпроваживать своих мертвецов с черного хода? Если смерть не что иное, как поражение, конец жизни, она, конечно неприятна семье, поскольку они знают, что их также ожидает конец. Если у вас неправильное представление о смерти, она становится отвратительной и страшной. Я помню еще один случай. Умерла старая леди. И меня по телефону пригласили прийти - это была духовная семья. Я приехал и не увидел детей. Я поинтересовался, где они, поскольку у православных принято подводить детей к гробу - и он стоит открытый. Мать сказала: «Они испугаются, потому что уже знают, что такое смерть». Оказалось, дети недавно видели кролика, раздавленного машиной, и родители не хотели пугать их видом мертвой бабушки. Я спросил можно ли привести детей, иначе они всегда будут бояться вида смерти. Родители согласились. Все мы вошли в комнату, где лежала бабушка. Мы с минуту постояли молча у кровати, и кто-то из детей сказал: «Как красиво выглядит бабушка». Смерть перестала быть для них чем-то устрашающим, чего непременно надо бояться.

Т.В.: Вы ничего не рассказали о своей матери, а ведь, кажется, были близки с нею?

А.Б.: Она была чудесной женщиной, очень простой и прямой. Я столкнулся со смертью, когда она умирала. У нее был рак. Каждая минута приобретала огромное значение - все, что мы говорили и делали, могло оказаться последним словом или движением - и все воплощало сорок лет любви.

Т.В.: Какое значение для вас имело то, что вы эмигрант. Чувство, что вы никому не принадлежите? Размышляя теперь о своей христианской жизни, оглядываясь назад, не находите ли вы, что ваш опыт эмигранта сыграл роль в вашем обращении к вере?

А.Б.: Думаю, что это так. Во время революции мы потеряли Христа больших соборов, Христа великих литургий. Но мы открыли Христа, который был

отверженным, как и мы. Мы открыли Христа, который был брошенным, как были брошены мы. Мы открыли Христа, у которого не было ничего в момент кризиса, даже друзей не было. Все это походило на наш опыт.

Бог помогает нам, когда некому помочь. Бог с нами в моменты самого тяжелого напряжения, во время тяжелого кризиса, в центре урагана. В каком-то смысле, в центре жизни - отчаяние, если мы готовы пройти сквозь него. Мы должны привыкнуть к тому, что Бога нет с нами на долгий срок и помнить, что нельзя подменять настоящего Бога фальшивым божком. Однажды ко мне пришла в госпиталь больная, отвергавшая Евангелие, хотя и не читавшая Новый Завет. Во время медового месяца она отправилась с мужем в кино и внезапно ослепла. Выяснилось, что у нее неизлечимая болезнь. Потом она писала мне: «Я не могу уже подняться к Богу». Но она смело принимала оставленность Богом, и не пыталась подменять его фальшивым божком себе в утешение. Огромное мужество этой женщины поразило меня - я запомнил ее навсегда.

Когда Бог отсутствует, то есть когда он молчит, - это начало молитвы. Не тогда, когда мы имеем много что сказать Богу, а когда мы говорим: «Не могу жить без Тебя. Почему ты так жесток, что не отзываешься!» Сознание того, что мы должны пробиться туда, где Он находится. Если мы прислушиваемся к тому, что знает наше сердце о любви и тоске, если мы не боимся отчаяния, мы узнаем, что победа всегда обеспечена - она лишь оборотная сторона тоски и отчаяния.

Приходит время, когда в душе рождается тоска по Богу, не по Его дарам, а по Нему Самому. В глазах печаль, они ввалились и глядят в беспредельность. Это случается даже в минуты полного счастья, когда исполнились все желания. Есть тоска по дому, но этот дом не имеет географического места, это дом, где есть любовь, глубина и жизнь.

Т.В.: Я помню, вы как-то сказали: «Я безумен, но это своеобразное безумие, потому что другие люди хотят заразиться им». Что вы хотели этим сказать?

А.Б.: Как и все христиане, вы всегда в напряжении - в тревоге, и, в то же время, в радости. Это безумие, это смешно. Но это истина - ведь мы принимаем темную ночь наравне с сияющим днем. Мы должны совершить акт самообуздания и подчинения: если я живу во Христе, бывают моменты, когда я должен пережить вопль Господа на кресте и его тоску в Гефсиманском саду. Есть необходимость потерпеть крушение в нашей вере, - и это происходит, когда мы разделяем томление и тоску нашего Господа. Я не думаю, что мы смеем сказать: «Этого со мной никогда не случится». Если мы христиане, мы должны пройти сквозь настоящую жизнь, не пытаюсь создать мир мнимостей.

С другой стороны, христианин живет в мире трех измерений, хотя большинство людей живет только в двух. Люди, свободные духом и владеющие измерением вечности, всегда осознают, что что-то не так, как должно бы быть, и зачастую они осознают себя «не такими», лишними... Эта проблема вставала уже перед первыми христианами, когда они говорили, что у них только один царь - то есть Царь Небесный. Люди оборачивались на них и говорили: «В таком случае, ты не хранишь верности нашему владыке». И зачастую доносили на них, преследовали... Но единственный способ быть верным этому миру двух измерений - это хранить верность трехмерному миру, потому что в действительности мир существует в трех измерениях. Если вы на самом деле

живете в трех измерениях, не выдумывая третьего, жизнь становится полна содержания и смысла. Ранние христиане были способны так жить, и нынешние христиане также на это способны.

Т.В.: Я хочу задать вам последний вопрос. В отношении России. Вы часто туда ездите. Как там у вас?

А.Б.: Я езжу туда раз в год, чтобы сообщить патриарху о церковных делах в Западной Европе. Там я часто выступаю с лекциями в духовных семинариях, а также стараюсь сохранить связь с русской церковью. Я служу там в церквях, проповедую, а также беседую с простыми людьми.

Т.В.: Как у вас там с политикой? Приходится вмешиваться в нее?

А.Б.: Мы пытались достичь творческой связи, принадлежа безоговорочно к русской православной церкви и оставаясь при этом эмигрантами. В этом положении «зажима», в котором мы находимся - между принадлежностью к церкви и гражданством, наше церковное положение гораздо свободнее, чем если бы была большая гармония между церковью и государством.

Т.В.: Насколько активна церковная жизнь в России?

А.Б.: По-моему, очень. Статистически считается, что имеется около тридцати миллионов посетителей церкви. Это очень много после полувекового уничтожения веры в сталинский период путем крайне жестоких преследований и систематической пропаганды. Но, фактически, молодежь в России все больше интересуется духовной жизнью - с каждым днем все больше молодых людей приходит в церковь: отчасти, чтобы посмотреть, что это такое, а многие становятся постоянными посетителями, членами церкви. В России много молодежи, где Бог и духовные вопросы имеют важное значение.

Т.В.: Большой смысл в том, что вы говорите. Я не о России, а в целом, о том, что вы предъявляете высокие требования к людям. Вы упомянули о том, что «нужно платить», и что смерть не страшна.

А.Б.: Это верно. Я попробую привести пример из истории церкви. Думаю, он иллюстрирует то, как я понимаю, что значит быть христианином. В годы гражданской войны, когда воюющие армии в течение трех лет боролись за власть, то отбивая, то теряя каждый клочок земли, маленький городок попал в руки красных, которые сдерживали остатки царских войск. Там оказалась женщина с двумя детьми (четыре и пяти лет), которой угрожала большая опасность, потому что муж ее служил белым. Она спряталась в пустующем доме, надеясь, что пройдет немного времени, и она сумеет ускользнуть. Однажды вечером женщина по имени Наталья, ее ровесница, то есть от роду двадцати с небольшим лет, постучала в двери и спросила: « Не вы ли Х.?» Услышав утвердительный ответ, Наталья сообщила, что местопребывание той раскрыто и ночью за ней придут. А это означало - расстрел. Ей следовало тотчас бежать. Но мать посмотрела на детей и сказала: «Как же я могу?» Наталья, бывшая до этого только соседкой, стала в этот момент ближней в евангельском смысле этого слова. «Можете, - сказала она. - Я останусь здесь и назовусь вашим именем, когда придут за вами». «Но вас расстреляют», - сказала мать. «Да, но у меня нет детей». И она осталась.

Представьте себе, что происходило затем. Наступает ночь, окутывая мраком, сыростью, холодом этот заброшенный домишко. А в нем женщина, которая

ожидает смерть. И тут необходимо вспомнить Гефсиманский сад. Мы можем представить себе, как Наталья молит, чтобы чаша сия миновала ее, а ей, как Христу отвечает молчание. Она вспоминает всех, кто мог бы ей помочь, но они вне досягаемости. Ученики Христовы спали. И она не могла ни к кому обратиться, не предав ту, которая убежала. Мы можем представить себе, как в эту ночь она молилась, чтобы жертва ее не оказалась тщетной.

Наталья, наверное, спрашивала себя, что станет с матерью и с детьми, когда ее не будет на свете. И был у нее один лишь ответ - слова Христа о тех, кто положит жизнь за други своя. Наверное, она не раз думала о том, что в одну секунду может спастись. Стоит лишь открыть дверь и выйти на улицу - и она переставала быть той женщиной, становясь самой собой. Но она была расстреляна, а мать с детьми спаслась...

БОГ ОТСУТСТВУЕТ

Мы начинаем учиться молиться, и поэтому я хочу, чтобы вам было ясно, что я понимаю под «обучением» молитвенной жизни. Во всяком случае, это не попытка оправдать или объяснить все умозрительным, спекулятивным путем. Скорее, я хотел бы отметить некоторые вещи, которые следовало бы знать, если хочешь молиться. Сам я себя считаю начинающим в этой области, и поэтому обращаюсь к своим читателям тоже как к начинающим. Я не говорю с людьми, которые хотят мистической глубины в молитве и метят на высшие степени духовного совершенства, потому что этот опыт сам ведет и учит. Когда Бог прорывается к нам или же мы прорываемся к Богу, что случается при некоторых исключительных обстоятельствах: либо когда мир раскрывается перед нами с такой глубиной, которой раньше мы никогда не наблюдали, либо в себе самих мы обнаруживаем ту глубину, где обитает молитва, откуда она может свободно потечь (но тогда уже не нужно говорить о молитве, потому что и так все ясно). Когда мы чувствуем присутствие Бога, мы стоим перед ним и славим его, говорим с Ним.

В самом начале есть очень существенные проблемы. Это период, когда кажется, будто Бог отсутствует. Именно об этом я и хотел бы сейчас поговорить. Разумеется, я говорю не об объективном отсутствии - Бог никогда не покидает нас, - но об ощущении отсутствия, которое мы испытываем. Мы стоим перед Богом и кричим в небеса, но ответа не получаем. Мы поворачиваемся во все стороны, но не находим его. Что нам об этом думать, как это понимать?

Прежде всего, надо твердо запомнить, что молитва - это встреча и связь: и при этом связь очень глубокая, такая связь, которая не может быть навязана ни нам, ни Богу. Тот факт, что Бог иногда делает свое присутствие явным, а иногда покидает нас так, что мы ощущаем его присутствие, - это неперемнная часть нашего живого и реального общения с Ним. Если бы могли механически вызывать Бога на встречу, заставлять его приходить к нам только потому, что этот момент мы избрали для встречи, тогда не было бы никакой связи и никакой встречи. Такое возможно лишь в воображении или это встреча с различными идолами, которых мы часто ставим перед собой вместо Бога. Ничего похожего нельзя сделать с Живым Богом, как нельзя сделать и с живым человеком. Отношения начинаются и развиваются только **со взаимного** согласия, они свободны. Если вы посмотрите на эту связь как на взаимную, то поймете, что у Бога есть больше оснований жаловаться на нас, чем у нас на Него. Мы жалуемся, что Он не является к нам в те несколько минут, которые мы уделяем Ему, а что сказать о двадцати трех с половиной часах, когда Бог, быть может, стучится к нам в дверь, а мы отвечаем: «Очень жаль, но я сейчас занят». А то и вовсе ничего не отвечаем, потому что не слышим стука в дверь - в наше сердце, в наше сознание, нашу совесть, нашу жизнь. Положение такое, что нам нельзя пожаловаться на отсутствие Бога - нет у нас на это права, потому что мы гораздо чаще отсутствуем, чем Он.

Вторая существенная проблема - это то, что встреча с Богом - всегда для нас суд. Мы не можем встретить Бога - в молитве ли, в размышлении или в созерцании - и не быть спасенными либо осужденными. Я не говорю об окончательном суде с вечным проклятием или вечным спасением. Встреча с Ним - критический момент, кризис. Слово «кризис» греческого происхождения, в буквальном переводе - приговор. Встретить Бога лицом к лицу в молитве -

это критический момент нашей жизни. И слава Ему, что он не всегда является, когда мы хотим Его видеть, потому что вынести такую встречу очень трудно. Помните места в Священном Писании, где говорится, как страшно очутиться лицом к лицу с Богом, потому что Бог есть совершенство. Поэтому первая мысль, которая должна прийти нам в голову, когда мы физически не ощущаем присутствия Бога, это та, что Он милостив. Он не приходит несвоевременно. Он оставляет нам возможность самим осудить себя, понять себя и не встретиться с Ним, когда это означало бы для Него осуждение.

Приведу пример. Много лет тому назад ко мне пришел человек. Он попросил меня показать ему Бога. Я сказал, что это не в моих силах, но прибавил, что если бы я даже и мог, то не сделал бы этого, потому что он не смог бы выдержать лицемерия Бога. И еще я сказал, что думаю (так я думаю и сейчас), для того, чтобы встретить Бога, надо иметь нечто общее с Ним, нечто, дающее глазам способность видеть, а вашим чувствам - способность воспринять. Он спросил, на чем основывается мое мнение, а я предложил ему несколько минут подумать и сказать, есть ли какой-нибудь эпизод в Новом Завете, который его в особенности трогает. Мне хотелось понять, какие у него отношения с Богом. «Есть, - сказал он. - В восьмой главе от Иоанна эпизод с женщиной, уличенной в прелюбодеянии». Я сказал: «Хорошо. Это, действительно, один из самых трогательных и волнующих рассказов. Теперь посидите и подумайте, какую бы роль сыграли вы в описанной сцене. Видите ли вы себя Господом, или, по крайней мере, одним из его союзников, полным милосердия, понимания и веры в эту женщину, что она способна раскаяться и стать другим человеком? Или вы женщина, пойманная на прелюбодеянии, или же один из старых людей, которые сразу отходят в сторону, ибо они вспомнили свои грехи, или одним из молодых, стоящих вокруг в ожидании?» Он подумал с минуту и ответил: «Нет, я чувствую себя тем евреем, который хочет не отойти в сторону, а побить женщину камнями». И я сказал ему: «Слава Господу, что он не дает вам очутиться лицом к лицу с Ним».

Это, пожалуй, особо острый пример. Но как часто мы наблюдаем нечто подобное в себе. Не то, чтобы мы начисто отвергали слово Господа или пример Господен, но в несколько смягченной форме творим то, что делали солдаты во время крестных мук. Мы бы закрыли Ему глаза и охотно наносили бы Ему удары, если бы смогли стать невидимками. Разве мы этого не делаем в какой-то степени, когда не замечаем Его присутствия и поступаем по своим прихотям, по своим настроениям, вопреки Его воле? Мы стараемся ослепить Его, но ослепляем самих себя. Как мы можем в такие минуты предстать перед ним? Мы можем, конечно, если раскаиваемся и сердце наше разбито, но не можем так, как нам хочется: тут же, немедленно быть принятым - с любовью и дружбой.

Прочтите разнообразные случаи в Евангелиях. Люди, более сильные, чем мы, не решались принять Христа. Вспомните о центурионе, который просил Христа исцелить слугу. Христос сказал: «Я приду». Центурион же ответил: «Господи, я не достоин, чтобы ты вошел под кров мой. Но скажи только слово - и выздоровеет слуга мой». Поступаем ли мы так? Поворачиваемся ли мы к Богу и говорим: «Не становись осязаемо и зримо здесь, передо мной. Тебе достаточно сказать слово - и все случится по воле твоей. Больше мне ничего не надо»? Или вспомните Петра в лодке, когда после большого улова он пал на колени и сказал: «Выйди от меня, Господи, потому что я человек грешный». Он попросил Господа покинуть его лодку, потому что испытывал робость. А робость к нему

пришла внезапно, когда он почувствовал величие Христа. Так ли мы поступаем? Когда мы читаем Евангелие, и образ Христа предстает непреодолимо прекрасным во всей своей славе, когда мы молимся и убеждаемся в величии и святости Господа, говорим ли мы когда-нибудь: «Я не достоин, что Ты явился мне»?.. Не говоря уже о тех случаях, когда мы должны осознать, что он не может придти, потому что мы отсутствуем и не способны принять его. Мы хотим чего-то **от Него**, но **не Его Самого**. Это ли связь? Разве мы так поступаем со своими друзьями? Заинтересованы ли мы в той пользе, которую дает нам дружба, или просто любим своего друга? Так ли обстоит дело с Господом?

Давайте подумаем, как молимся - вы и я. Вспомните, какую теплоту, глубину и интенсивность приобретает молитва, когда речь идет о ком-нибудь, кого вы любите, или о чем-нибудь, что играет роль в вашей жизни. Тогда сердце ваше раскрывается, вы весь собираетесь в молитве. Означает ли это, что вы любите Бога? Нет, не означает. Это означает, что вы любите того или то, о ком или о чем просите. Потому что, закончив жаркое, страстное, интенсивное моление о человеке, которого любите, или об обстоятельствах, которые тревожат вас, вы переходите к следующей стадии молитвы, которая лично не затрагивает вас, - и куда подевался ваш жар, почему вы становитесь холоден, что изменилось? Разве Бог охладел? Разве он ушел и покинул вас? Нет, это означает, что весь жар, вся истовость молитвы была вызвана не присутствием Бога, не вашей верой в Него, не вашей тоской по Нему, не вашей уверенностью в Нем. Она, эта горячность молитвы была вызвана ни чем иным, как вашей заинтересованностью в ней или же в вещи, а не в Боге. Почему же вы удивляетесь, что Бог не приходит к вам? Это мы не приходим к Богу. Это мы становимся холодными и чуждыми ему, едва только у нас исчерпывается личная заинтересованность... Почему так? Да потому, что Бог не так уж много значит для нас. Есть и другие причины, почему Бог отсутствует. Пока сами мы реальны, пока мы действительно то, что мы есть, Бог может что-то с нами сделать. Но как только мы пробуем стать не тем, что мы есть, уже ничего нельзя нам сказать и ничего с нами сделать: мы становимся фиктивной личностью - как будто есть, а на самом деле нас нет, мы становимся мнимостью, а Бог не является фикциям и мнимостям.

Чтобы молиться, надо быть в том, что называется Царством Божиим. Надо осознать, что Он - Бог, что Он - Царь и отдаться на Его волю. По меньшей мере, надо быть озабоченным, какова Его воля, даже если мы не способны выполнить ее. Но если этого нет, если мы относимся к Богу, как богатый юноша, который не мог последовать за Господом, потому что был чересчур богат, тогда как же мы встретим Его? Часто, очень часто, единственное, что мы хотим от Бога, это еще одного периода счастья: мы не способны продать все, что у нас есть, чтобы выкупить бесценную жемчужину. Тогда как же нам заполучить эту жемчужину? Не ее ли мы надеемся получить? Не так ли обстоят дела и в человеческих отношениях? Когда мужчина или женщина испытывают любовь, они теряют интерес ко всем прочим людям. Древние передавали это такой формулой: «Когда у мужчины есть невеста, он окружен не мужчинами и женщинами, а народом».

Не то ли могло бы, должно бы случиться со всем нашим богатством в тот момент, когда мы обратились к Богу? Конечно, мы бы поблекли и посерели, стали бы фоном, на котором вот-вот появится единственное, что имеет

значение. Мы бы стремились только к одному просвету небесного синего цвета на темном фоне нашей жизни, в которой всегда столько мрачных сторон. Бог готов быть вне этой картины, Бог готов все принять на себя, как крест, но Он не захочет быть просто частью нашей жизни.

Итак, когда мы жалуемся на отсутствие Бога, не стоит ли подумать, кого в этом следует обвинить? Мы всегда обвиняем Бога. Всегда только Его, иногда прямо ему в лицо или, жалуясь людям, что он отсутствует, что Он никогда не отвечает, когда мы зовем Его. Иногда мы более «благочестивы» (в кавычках, разумеется) и говорим: «Бог испытывает мое терпение, мою веру, мое смирение...» Мы всеми способами перекладываем суд Бога над нами в похвалу себе же. Мы так терпеливы, что можем примириться даже с Богом!

Разве все это неверно? Когда я был молодым священником и произнес проповедь, одну из многих, произнесенных мною в том приходе, ко мне подошла молодая девушка и сказала: «Отец Антоний, вы, должно быть, очень плохой и грешный человек». Я ответил: «Я, разумеется, плохой и грешный человек, но откуда вы это знаете?» Она сообщила: «Вы так хорошо расписали все наши грехи, как будто вы сами их совершили, потому и знаете». Конечно, горькое описание грехов, которое я сейчас вам представил, известно мне по моему опыту. Это мои грехи, пусть и в незначительной степени...

С чего следует начать, если мы хотим молиться, так это с уверенности, что мы - грешники и нуждаемся в спасении, что мы отрезаны от Бога, но не можем без него жить, что все, что мы можем предложить Богу, так это наше отчаянное стремление к нему. Мы жаждем стать такими, чтобы Бог нас, раскаивающихся, принял, принял с милосердием и любовью. С самого начала наша молитва - это смиренное восхождение к Богу: с того момента, когда мы обращаемся к Богу, боясь приблизиться к нему, зная, что преждевременная встреча с Ним, до тех пор, когда Его милость осенит нас и мы станем способны предстать перед Ним, будет судом над нами и осуждением. Все, на что мы способны, так это обратиться к Нему с благоговением, со всей глубиной благоговения, с глубочайшей любовью, со всем страхом, на который способны, со всем вниманием и серьезностью, которые есть в нас, и просить Его сделать нас способными на встречу с Ним - не для суда, а для жизни вечной.

Я хотел бы напомнить вам притчу о фарисее и мытаре. Мытарь входит и стоит в конце храма. Он знает, что он осужден, что для него нет надежды, потому что он чужой в Царствии Божиим, в царстве праведности и царстве любви, потому что он не принадлежит ни к миру праведности, ни к миру любви. Но в той жестокой, яростной, безобразной жизни, которую он ведет, он научился чему-то, о чем фарисей не имеет ни малейшего представления. Он узнал, что в мире соперничества, в мире хищников, в мире жестокости и бессердечия, единственная надежда остается на акт милосердия, акт сочувствия, на совершенно неожиданный акт, который не выводим ни из долга, ни из естественных отношений, но этот акт приостановит и уравновесит действие жестокого, бессердечного мира, в котором мы живем. Он знает, например, по собственному опыту, так как он сам - вымогатель, ростовщик, вор и тому подобное, что бывают минуты, когда безо всякого основания, потому что с мировой точки зрения для такого поступка оснований нет никаких, он способен ни с того, ни с сего простить долг, потому что сердце его вдруг смягчается и становится уязвимым для жалости. В иную минуту он не бросит должника в

тюрьму, потому что лицо его напоминает кого-то или же голос его задел какую-то струну в его сердце. В этом нет никакой логики. Это противно взглядам общества, в котором он живет, и обычно он так не поступает. Что-то в нем вырывается наружу - и оно абсолютно абсурдно, но он не способен противостоять тому, что вырвалось. Сколько раз он спасался от окончательного разорения и гибели благодаря вторжению неожиданного и невозможного - милости, сочувствия, прощения... Так он стоит, затаившись в углу церкви, зная, что храм - это царство правоты и божественной любви, к которому он не принадлежит и куда ему доступа нет. Но он знает по опыту, что неожиданное иногда случается, вот почему он и говорит: «Смилостивься, забудь законы праведности, нарушь законы религии и смилуйся над нами, хотя мы и не имеем ни малейшего права притязать на прощение и даже войти нам сюда не разрешается»... Я думаю, что именно с этого нам надо начинать и твердить это без устали.

Вы, наверное, помните два места из апостола Павла, где он говорит, что сила его в немощи его. Но это не та слабость, которую мы проявляем, когда грешим и забываем Бога, но тот род слабости, когда мы становимся абсолютно гибкими, прозрачными, абсолютно предавшимися в руки Бога. Мы обычно стараемся быть сильными, и мешаем Богу проявить свою силу.

Вы помните, как вас учили в детстве писать? Мать вложила вам карандаш в руку, зажала вашу руку в своей и начала водить ею. Вы совсем не знали, что от вас требуется, и поэтому рука ваша, совершенно не напряженная, повиновалась движениям материнской руки. Вот как я понимаю, что сила Бога проявляется в нашей слабости. Можно еще представить это себе, сравнивая себя с парусником. Парус может наполниться ветром и повести лодку только потому, что он так легок. Если бы вместо паруса вы поставили доску, ничего не вышло бы. То же самое справедливо в отношении перчатки хирурга и рукавицы боксера. Как крепка рукавица и как тонка перчатка, но она может творить чудеса на умелой руке хирурга именно благодаря своей тонкости. Бог нас учит отказываться от ничтожного количества собственной силы, которую мы можем собрать и заменить ее слабостью подчинения, отдачи себя в руки Бога. Я приведу пример подобной самоотдачи.

Двадцать пять лет тому назад один из моих друзей, отец двоих детей, был убит при освобождении Парижа. Его дети всегда терпеть меня не могли - это была ревность: зачем, мол, отцу друг?! Но после его смерти они привязались ко мне именно потому, что я был другом их отца. Девочка, ей было пятнадцать лет, пришла навестить меня в больницу (прежде, чем стать священником, я был врачом) и заметила на моем письменном столе кроме хирургических инструментов и медицинских карт, томик Нового Завета. Тогда с самоуверенностью юности она заявила: «Не понимаю, как человек, который считается образованным, может верить во всю эту ерунду...» «А ты читала Евангелие?», - спросил я у нее. Она ответила: «Нет.» Тогда я сказал: «Запомни, что только отпетые дураки судят о том, чего не знают. После этого она прочла Евангелия - и они произвели на нее такое впечатление, что вся жизнь ее переменялась: она стала молиться и Господь дал ей ощутить свое присутствие - и этим сознанием она жила некоторое время. Затем она заболела неизлечимой болезнью и написала мне письмо - я уже стал священником и переехал в Англию. Она писала: «С тех пор, как я заболела, и тело мое слабеет и умирает, дух мой оживился, и я ощущаю Божественное присутствие с большой

легкостью и весельем...» Я ответил на ее письмо: « Не надейся, что так будет и дальше; скоро ты ослабеешь так, что не сможешь даже повернуться навстречу Богу, и почувствуешь свою Богооставленность.» В следующем письме я прочитал: « Вы были правы - теперь я так ослабела, что не могу уже сделать усилие, чтобы обратиться к Богу, и Он от меня ушел.» Тогда я написал: « Надо сделать нечто иное, научись истинному смирению в самом точном и глубоком смысле этого слова.»

Латинское слово «смирение» от другого слова, означающего «плодородная почва». Для меня смирение не в том, как оно обычно понимается: трусливое желание почувствовать себя хуже всех и попытка нелепым своим поведением убедить других, что мы сами убеждены в своей ничтожности. Смирение - есть состояние земли. Земля воспринимается как данность: о ней не помнят, каждый топчет ее, мы сливаем и сбрасываем в нее все свои отбросы. Она всегда здесь - безмолвная и безропотно принимающая все, но чудесным образом она превращает все отбросы в новое богатство - несмотря на гниение. Претворяя даже гниение в силу жизни, в творческую энергию. Земля открыта солнечным лучам и открыта дождям, она готова принять великое семя и отдать сам-тридцать, сам-шестьдесят, сам-сто за каждое зерно. Я сказал той женщине: «Научись быть подобной этому перед лицом Господа: покинутой, покорной, готовой принять все от людей и от Бога...» От людей ей, конечно, пришлось принять полную меру: в течение полугода мужу наскучило возиться с умирающей женой - и он ее бросил, так что на нее щедро излились всяческие обиды и лишения (чем не отбросы?!). Но Господь щедро проливал на нее свет и дождь, потому она и написала вскоре: «Я уже конченный человек. Я могу подняться к Богу, но Он сам нисходит ко мне».

Этот рассказ не только для иллюстрации моих слов - в нем есть глубокий смысл. В нем говорится о слабости, через которую Бог может явить свою силу. И этот случай, когда отсутствие Бога приводит к Его присутствию. Мы не можем заполучить Бога, но когда мы стоим, как мытарь или эта женщина - вне царства правоты, а только в чаянии милости, - Бог может сойти к нам.

Постарайтесь обдумать, что такое Богооставленность - и поймете, что прежде, чем постучаться в дверь в обычном смысле слова (раз Христос Сам сказал о себе: «Я есть дверь») - так вот, прежде чем постучаться, надо твердо осознать, что мы находимся снаружи, а не внутри. Если же в своем безумии вы воображаете, что находитесь внутри, в Царствии Божиим, тогда, разумеется, нет смысла стучаться в эту дверь, чтобы она отворилась. Конечно, следует оглянуться и посмотреть, где же ангелы и святые, и где твое собственное место - то, что уготовано для тебя, но если ты не обнаруживаешь ничего, кроме темноты и стен, у тебя есть все основания удивляться, что Царствие Божие столь не привлекательно. Каждый из нас должен помнить, что мы еще не в Царствии Божиим, что мы только за его пределами, как и все посторонние. И только после этого спросить себя: «Где же дверь, и как в нее постучаться:?»

В следующей главе мы постараемся глубже вникнуть в эту проблему - где же находится дверь, и как в нее постучаться, чтобы проникнуть внутрь и стать обитателем рая, то есть места, где возможна молитва...

II.

КАК СТУЧАТЬСЯ В ДВЕРИ

Говоря о том, как мы догадываемся о своей Богооставленности, я сказал, что это является, разумеется, субъективным, а не объективным сознанием, что мы можем провести длительное время, большую часть жизни, воображая, что уже находимся внутри, и вести себя соответственно, а потому никогда не достичь той глубины, когда Царствие Божие раскрывается во всей своей красоте, истине и славе.

Говоря, что мы «внутри» или «вовне», я не считаю, что есть положение, когда мы вполне «внутри» или «вовне». Скорее, следовало бы говорить о терминах перехода из одной глубины в другую или с одной вершины - на новую. Какую бы из формулировок ни предпочесть, в каждый момент мы уже обладаем чем-то прекрасным и глубоким, но продолжаем идти, стремясь к чему-то более глубокому и прекрасному. Это надо запомнить, потому что мы исключительно богаты, даже находясь вовне. Бог дает нам так много, мы так богаты и

эмоционально, и интеллектуально, наша жизнь так полна, что легко вообразить, что мы уже нашли всю полноту и целостность, достигли цели своих стремлений. Надо помнить, что нет конца нашим поискам, потому что всегда есть нечто большее. Возрадуемся, что, будучи нищими, мы так богаты. Но будем стремиться к подлинным богатствам Царствия Небесного, не соблазняясь тем, чем мы уже обладаем, иначе мы рискуем повернуть вспять от того, что находится впереди.

Нельзя забывать, что все, чем мы обладаем, есть дар. Основной блаженный дар - есть наша нищета. И если мы живем в согласии с этим блаженным даром, мы можем войти в Царствие Небесное. У этого дара есть два аспекта. Первый - несомненный факт, что у нас нет ничего, что мы могли бы сохранить, как бы к этому ни стремились. Надо осознать, что я - есть ничто; и все, чем я обладаю, - есть ничто, то есть наша нищета является полной, непоправимой, безнадежной. Мы существуем, потому что некая воля призвала нас к существованию. Сами мы ничего не сделали, чтобы существовать - это не было актом нашей свободной воли. Мы не обладаем жизнью в такой степени, чтобы было невозможно отнять ее у нас. И все, чем мы обладаем, в этом смысле - абсолютно эфемерно. У нас есть тело - оно обречено на смерть. У нас есть ум, но стоит мельчайшему сосуду в нашем мозгу разорваться, и самый выдающийся ум немедленно угаснет. У нас есть сердце: живое и восприимчивое, но приходит минута, когда мы хотим излить все свое сочувствие, чтобы утешить человека, который в этом нуждается - и в этот момент оказывается, что в груди у нас не сердце, а камень.

В этом смысле можно сказать, что у нас ничего нет, чем бы мы вполне обладали, потому что мы не хозяева того, чем мы обладаем. И это может привести нас не к радостному сознанию своей принадлежности к Царствию Небесному, а к отчаянию, если мы не усвоим, что хотя мы и не обладаем ничем, чего у нас нельзя было бы отнять, в некотором роде - все это наше, и мы им обладаем. Это и есть второй аспект блаженного дара. Мы богаты. И все, чем мы обладаем - есть дар и знак Божественной любви. И пока мы ничем не обладаем, Божественная любовь проявляется постоянно и во всей своей полноте. Но все, что мы зажимаем в руке, чтобы обладать, взято из Царства Любви. Конечно, оно становится нашим, но Любовь исчезает. И только тот, кто отдает все без остатка, кто убедился в полной, подлинной, окончательной и непоправимой умственной нищете, лишь тот обладает любовью Бога и всеми его дарами. Один

из наших богословов сказал: «Вся пища в этом мире - есть Любовь Божия, воплотившаяся в пищу». Я думаю, что это правильно, - и в этот момент, когда мы зажимаем что-нибудь в руках, чтобы разбогатеть, мы оказываемся в проигрыше, потому что пока руки у нас свободны, мы можем брать, давать и делать все, что хотим.

Это и есть Царствие Божие - оно в сознании полного отсутствия собственности, в свободе от обладания чем-либо, потому что эта свобода связывает нас с тем, что есть любовь - любовь божья и любовь людей.

Усвоив эти понятия, мы можем применить их к тому, что было сказано выше. Нельзя обманываться тем, чем мы обладаем, иначе у нас появится желание построить новые амбары, чтобы накопить в них побольше добра. Ничего нельзя копить, кроме Царствия Божия. Итак, надо освободиться от одной вещи за другой, чтобы освободиться от богатства. Разве вы не заметили, что быть богатым - означает обнищать где-то на другом уровне. Достаточно сказать себе: «Вот мои часы», - и зажать их в руке, как вы лишитесь руки. Когда ваш ум сосредоточен на ваших богатствах, когда вы храните в сердце то, чем вы обладаете и что стараетесь сберечь, то ваше сердце становится таким маленьким и ничтожным, как та вещь, на которой вы сосредоточились.

Если это правильно, то в тот момент, когда вы доберетесь до твердого основания, то есть, когда вы осознаете, что не обладаете ни единой вещью, тогда вы находитесь на границе Царствия Небесного и убеждаетесь, что Бог - есть любовь, и что Он поддерживает вас Своею Любовью. И в этот момент для вас открываются две возможности одновременно: первая - молиться из глубины своей полной нищеты и заброшенности, и вторая - ликовать от сознания своего богатства Божией Любовью. Но это надо хорошо усвоить, дойти до такого понимания, ибо пока вы считаете себя богатым, вам не за что благодарить Бога - и вы не почувствуете Его любви. Слишком уж частое благодарение Богу - есть только пустая формула, а наше покаяние - пустое, не конкретное покаяние. Однажды мне довелось испытать нечто подобное в самой неромантической и недуховной форме. Подростком мне пришлось к кому-то ехать, и я так рассчитал, когда ехать, чтобы попасть к завтраку. Я думал, что если я приеду вовремя, они не смогут оставить меня дожидаться в соседней комнате - и, конечно, дадут чего-нибудь поесть. Но мой поезд, как назло, опоздал, и я приехал после завтрака, к тому же отчаянно голодный. Со мной был мой друг и поскольку мы были слишком слабы, чтобы возвращаться, не поев, мы спросили: «Нет ли чего-нибудь поесть?» Нам ответили: «У нас осталась только половина огурца.» Мы поглядели на этот огурчик, а потом переглянулись и подумали: «Неужели это все, что Бог может нам дать?..» Тогда мой друг сказал: «Надо молиться перед едой». Я подумал: «Славословие за половинку огурца...». Мой друг был более верующим, чем я, и религиознее меня, так что мы прочли вместе молитву перед едой, а потом еще несколько молитв на благословение пищи, и все это время я не мог оторваться от половинки огурца, четвертушка которого должна была достаться мне. Наконец, мы разрезали огурец и приступили к еде. За всю жизнь я не был так благодарен Богу ни за какую еду, как за эту четвертушку огурца. Я ел его как священную пищу. Я ел его с глубоким вниманием, чтобы не упустить ни одного оттенка наслаждения от прелестного свежего огурца. А когда мы покончили со своими четвертушками, я без колебания сказал: «А теперь надо поблагодарить», - и мы прочли благодарственную молитву после еды.

Мы не можем жить молитвенной жизнью, не можем продвигаться к Богу, если не свободны от обладания вещами и руки у нас заняты, а сердце не совершенно открыто - не так, как кошелек, который мы боимся открыть, чтобы не выронить деньги, не как пустой - и поэтому совершенно открытый кошелек, из которого нечего выронить. И наш ум тоже должен быть открытым для всего неизвестного и неожиданного. Вот такими мы бываем, когда отказываемся от обладания - и поэтому богаты иным богатством. В таком именно состоянии мы можем сказать, что мы вне Царствия Небесного и, тем не менее, в нем - и до предела свободны.

Это относится, между прочим, и к посту. Я не говорю о посте и воздержании, которые действуют только на желудок, но о том состоянии высокой трезвости и просветленности, позволяющим нам или даже вынуждающим нас никогда не поработаться никакими вещами. Это проблема всего нашего жизненного поведения. Она действует на нас, потому что здесь исходный пункт, откуда начинается грех. Один из православных писателей девятнадцатого века писал, что грехи плоти - это грехи, которые дух совершает против плоти. Плоть за них не отвечает и, по-моему, речь идет о том, что надо учиться обуздывать свое воображение. Пока воображение не завладело нами, вещи для нас - просто посторонние тела. Стоит лишь воображению попасть в ловушку, в плен к вещам, и мы оказываемся в плену у них. Вы знаете, что существуют мясо, овощи, пудинги и тому подобное. Это объективный факт, не вызывающий никаких сомнений. И вот вы спрашиваете себя: «Я ведь не голоден, но существует столько вкусных вещей, которые я мог бы поесть - как с этим-то мне быть?» Не пройдет и пяти минут, как вы обрастаете щупальцами и присосками, которые потянутся к множеству вещей. Вы будете, как Гулливер, привязанными к земле одним волоском и еще одним, и еще одним... каждый отдельный волосок не означает ничего, но в сумме - все вместе - они прочно привяжут вас к земле. Как только вы позволили своему воображению разыграться, пиши пропало. Надо сохранить трезвость и бороться за свою свободу. Есть огромная разница между привязанностью и любовью, между голодом и жадностью, между жизненной необходимостью и любопытством... Каждая из наших естественных потребностей имеет оборотную сторону, двойника с грешным лицом - таков путь нашего закабаления. Вот что я подразумеваю, говоря о том, что надо избавляться от щупальцев и присосок. Для начала научитесь говорить: «Нет». Если вовремя не сказать «нет», придется вступить в длительную борьбу. Но будьте тверды в этих делах, потому что разум и независимость несравненно драгоценнее, чем рабское состояние жажды мелких наслаждений.

Итак, если сказанное мной соответствует истине, нам нужно постучаться в дверь. На этом этапе возникает много серьезных проблем. Была бы то дверь какой-нибудь церкви, дело обстояло бы совсем просто: подойди и постучись. Вся беда в том, что мы не представляем себе, куда стучаться. Как часто люди, желающие молиться, спрашивают себя: «В чем сущность молитвы? Куда обратить взор и сердце?» Будь вы мусульманином, дело бы упростилось: вы бы повернулись в сторону Мекки. Но это мало что решает: что с того, что мы смотрим на восток? Обращаясь к Богу, нельзя сосредоточиваться на вещах, потому что они меньше Бога. В тот момент, когда вы обращаетесь к воображаемому Богу или к Богу, которого вы способны представить себе в воображении, вы рискуете воздвигнуть между собой и Богом самого

обыкновенного идола. Эту мысль выразил еще в четвертом веке св. Георгий Назианский. Он сказал, что когда мы, молясь, смотрим на какой-нибудь видимый знак, будь то крест, рака, икона или даже невидимая вещь - Бог, каким мы Его себе представляем, или Христос, каким мы видели Его на картинах, - то если мы сосредоточиваемся на изображении, создаем между собой и Богом барьер, потому что мы обращаем молитву к образу, который себе составили, а не к самому Богу.

И вот что мы должны сделать: вспомнить все, что мы знаем о Боге, чтобы войти перед Его лицо, но при этом твердо помнить, что все, что мы знаем - это уже прошлое и оно находится у нас за спиной, а мы стоим лицом к лицу с Богом живым во всей Его сложности и во всей Его простоте, с таким близким и, в то же время, неизвестным. Неизвестное может открыться нам, если Он захочет раскрыться перед нами, такими, как мы есть в данный день и час. С открытой душой и открытым сердцем должны мы стоять перед Богом, не пытаясь придать Ему форму или заключить его в образы и концепции своего ума. Тогда-то, в таком состоянии мы можем постучаться в двери.

Где же эта дверь? В Евангелиях сказано, что Царствие Божие, прежде всего внутри нас. Если мы не умеем найти Царствие Божие внутри себя, в самой глубине наших душ, шансы на встречу с Богом во вне очень ничтожны. Когда Гагарин вернулся из своего космического полета и сделал свое замечательное заявление, что никакого Бога он в небесах не встретил, один из московских священников сказал: «Если вы не встретили Бога на земле, вы никогда не найдете Его на небе». Это верно, и прямо касается того, о чем я говорю. Если мы не находим Бога под своей собственной кожей, в том крохотном мирке, которым являюсь я сам, тогда очень мало шансов, что даже встретившись с Ним лицом к лицу, я узнаю Его. Святой Иоанн Златоуст сказал: «Найди дверь собственного сердца - и ты убедишься, что это и есть двери Царствия Небесного». Так что, нам следует обращаться внутрь, именно внутрь, а не во вне, внутрь, но совсем особым способом. Я не хочу сказать, что мы должны сделаться самопоглощенными. Мы должны погружаться в себя отнюдь не тем способом, какой применяется в психоанализе и в психологии. Это не путешествие вовнутрь моей души, а **путь сквозь мое Я**, чтобы выйти из самого глубокого уровня своей личности туда, где происходит встреча Бога с человеком. Таким образом, проблема первоначальной молитвы имеет два аспекта: первый - это вхождение в себя и второй - какие слова выбрать в молитве, и какое направление ей придать.

Поговорим о втором аспекте. К кому и к чему должно быть направлено острие молитвы? Часто люди пытаются кричать в небеса и удивляются, обнаружив, что небо пусто и не отзывается эхом. Но это не то место, где можно найти эхо. Один духовный писатель седьмого века, св. Иоанн Лествичник, писал, что молитва, слова молитвы, подобны стреле. Но обладать только одной стрелой - недостаточно. Если вы хотите попасть в мишень, надо иметь лук с хорошей тетивой и сильную руку, чтобы натянуть ее. Если у вас есть хороший лук, но вы не умеете натягивать тетиву, стрела пролетит несколько ярдов и упадет наземь. Если вы не натянете ее могучей рукой, вы не попадете в мишень. Нам нужны лук, тетива и сильная рука, а также сила мышц. Считая, что слова молитвы - есть стрела, мы должны направить ее внутрь себя и поразить себя в глубочайшем месте. И нам надо создать такие условия для стрелы, чтобы она летела со всей силой. Очень часто мы невнимательны во время молитвы, не

вкладываем в нее душу. А, кроме того, наша жизнь не соответствует молитве. Вот как оборачивается аналогия со стрелой, тетивой и силой.

Бывают моменты, когда вы можете попытаться проникнуть и прорваться сквозь глубину, взывая к Богу, а Он в корне и в глубине всего сущего - и в такой момент вы будете ясно видеть, куда направляетесь и куда нацелена ваша молитва: не вовне, а внутрь, все глубже и глубже, сквозь все, что мешает вам пробираться в самую глубину. Тогда молитва становится абсолютно осуществимой, но, в то же время, - тяжким, смелым и ревностным испытанием.

Прежде всего, каждый должен выбрать молитву. Это очень важно. Это так же важно, как найти нужные слова при сношении с человеком. Какую бы молитву мы ни выбрали, эта молитва должна иметь ясный смысл для нас, ни одно слово в ней не должно смущать нас. Признаюсь, что чтение молитвенников оставляет во мне чувство смуты. Я чувствую, что если бы Бог находился здесь, передо мной, я бы никогда не посмел сказать Ему все эти плоские вещи о Нем и сообщить Ему о Нем же то, что Он знает много прежде, чем я родился. Итак, надо выбрать молитву, ибо, если вас смущает молитва, Бог может огорчиться за вас и за вашу молитву, потому что вы не способны произнести ее от всей души. Первое дело - найти молитву, достойную вас и достойную Бога. Я говорю «достойную вас и достойную Бога» потому, что если она хороша для вас, Бог может принять ее. Но если она не хороша для вас - не надоедай Богу: Он слышал лучшие молитвы, чем эта. Только не надо искать необыкновенных слов. Одна из опасностей молитвы - это попытка найти слова, которые будто бы находятся на уровне Бога. К несчастью, ни кто из нас не находится на уровне Бога, так что подобные попытки обречены на неудачу. И вы зря будете тратить время, пытаясь найти подходящие слова.

Не пытаясь исчерпать эту тему, я хочу дать вам представление о том, какая служба или слова службы имеют ценность. В еврейских легендах о жизни Моисея есть замечательный эпизод. Моисей в пустыне встретил пастуха. Он проводит с ним целый день и помогает ему доить овец, а к концу дня видит, что пастух сливает лучшее молоко в деревянную чашу и ставит ее на плоский камень на некотором расстоянии от своего жилища. Моисей спрашивает: «Для кого это молоко?» Пастух отвечает: «Это Божие молоко». Моисей удивился и спрашивает, что сие означает. Пастух говорит: «Я всегда сливаю лучшее молоко и отдаю его в жертву Богу». Моисей, несравненно более искушенный и интеллектуальный, чем пастух со своей наивной верой, задает лукавый вопрос: «И Бог пьет твоё молоко?» «Да, - отвечает пастух. - Он выпивает его». Тогда Моисей находит своим долгом просветить пастуха. Он объясняет ему, что Бог, будучи духом, молока не пьет. Но пастух убежден, что Бог молоко выпивает. Они спорят. Наконец, Моисей убеждает пастуха спрятаться в кустах и проверить, действительно ли Бог выпивает его молоко. Моисей уходит молиться в пустыню, а пастух прячется и при свете Луны видит маленькую лисичку. Она выходит из пустыни, оглядывается направо, оглядывается налево, подбегает прямо к молоку, вылакивает его и убегает обратно в пустыню. На следующий день Моисей находит пастуха смущенным и огорченным. «В чем дело?», - спрашивает он. «Вы были правы, - ответил пастух. - Бог - чистый дух и не нуждается в моем молоке». Моисей удивился его печали: «Ты должен радоваться - теперь ты больше знаешь о Боге, чем раньше». «Да, - соглашается пастух, - но единственное, что я мог сделать, чтобы показать Богу свою любовь, теперь оказалось непригодным - оно отнято у меня...» Моисей понимает

пастуха. Он удаляется в пустыню и погружается в молитву. Ночью во сне приходит Бог и говорит: «Моисей, ты был не прав. Я действительно дух, но я всегда принимаю с благодарностью молоко пастуха, как знак его любви, Но будучи духом, я не нуждаюсь в молоке, а потому делю его с маленькой лисичкой - она очень любит молоко».

Я пытался вам объяснить, во-первых, что молитва должна быть устремлена внутрь себя, не к далекому Богу на небесах, но к Богу, который так близко от вас, что вы не в состоянии это себе представить... Во-вторых, главное, что нужно сделать, выбрать такие слова молитвы, которые вполне соответствуют вам; слова, которые не смущают вас, - чтобы они выражали и были достойны вас, а тогда поднести их Богу со всей сосредоточенностью и умом, на которые вы способны. Вложите все свое сердце, насколько вы способны, в акт Богослужения, в акт познания Бога, в акт любви, которая и является милосердием, в акт, который требует всех ваших умственных, душевных и духовных способностей, чтобы этот акт целиком представлял вас такими, какие вы есть.

Поэтому, первое, что я предлагаю вам, - так это решить, какие слова молитвы представляют ценность для вас, чтобы вы могли предложить Богу, причем, все равно - ваши ли то слова или принадлежат кому-нибудь другому. Спросите себя, можете ли вы сосредоточиться на этих словах, ибо, если вы не способны быть внимательными к произносимым вами словам, то почему должен Бог отнестись к ним со вниманием? Почему должен Он принять их как слова любви, если вы не вкладываете в них душу, если вы вложили в них только известную долю вежливости с известной долей рассеянности...

И если вы научитесь молиться и произносить молитву, выбранную вами в минуты, когда вы отдаете все свое внимание присутствию Бога, тогда уверенность в Его присутствии так растет в вас, что, будь вы с людьми, слушая и разговаривая с ними, или один, работая, эта уверенность становится так сильна, что даже находясь среди людей, вы сможете молиться. Вместе с нашими духовными писателями можно сказать, что одни - проще и грубее, зато выражают сполна, все, что могут дать, другие же более возвышенны.

Как ни груб и ни прост человек, он - все же личность и представляет собой нечто. Один из величайших духовных учителей, Феофан Затворник, сказал: «Ощущение присутствия Бога у вас должно быть столь же ощутимо, как зубная боль». Когда у вас болит зуб, вы не забываете об этом ни на одну секунду. Что бы вы ни делали - разговаривали, читали, скребли что-нибудь, пели, словом, делали все, что угодно, зубная боль вас не покидает и вам не уйти от боли, вызванной ее присутствием. Он говорит, что такова должна быть и боль в нашем сердце. Я не говорю о физическом сердце, но о нашей сущности. И эта боль является постоянным стремлением к Богу, чувством: «Почему я один, где же Он?», и особенно в те минуты, когда вы потеряли ощущение связи с Ним во время молитвы.

Более высокий способ выразить эту мысль таков: когда у вас большая радость или большое горе, и печаль обрушилась на нас, мы не забываем о них даже в часы дневной суеты. Мы слушаем, что нам говорят, делаем работу, словом, делаем все, что нам полагается, а боль от потери или сознание радости не покидает нас ни на секунду. Таким должно быть и чувство присутствия Бога. И если чувство присутствия Бога так ясно, как это, мы можем даже молиться,

делая физическую работу, но молитва возможна и на людях - когда мы слушаем разговоры и заняты чем-нибудь, связанным с этими людьми. Но, как я уже говорил, такое состояние не приходит само собой; и я думаю, что нужно сперва обучить себя молитвенной сосредоточенности или, точнее, отчаянию и тоске, потому что в таком состоянии мы можем отдаться молитве, хотя так легко стать невнимательным и соскользнуть с сосредоточенности в ленивую дрему во время молитвы. Начнем с того, что научимся молитвенному вниманию, непоколебимости, любви к Богу и полной покорности Его воле в те минуты, когда мы способны от всей души отдаться молитве - во всей цельности самосознания. Тогда лишь можно перейти на другой уровень.

Мы продолжим эту тему в следующей главе, показав, как выбрать одну или две молитвы, чтобы пробиваться сквозь собственную глубину, потому что это требует упражнений. Не забывайте о маленькой лисичке - она может оказаться полезной для вашей жизни и молитвы. И коль уж мы заговорили о лисицах, я предлагаю вам прочесть о другой лисице в книге Сент-Экзюпери «Маленький принц»: о том, как подружиться с существом очень чувствительным, робким и чрезвычайно ранимым.

Ш.

ВХОЖДЕНИЕ ВОВНУТРЬ

Я говорил, что одна из проблем, которую мы все должны разрешить для себя, так это куда направлять свою молитву. Ответ, предложенный мной, таков: направлять молитву вовнутрь себя. Пока ваша молитва, обращаемая к Богу, не станет важной и исполненной смысла для вас самих, вы не сможете довести ее до Бога. Если вы невнимательны к словам, если ваше сердце не отзывается на них, и, если ваша жизнь не повернута в том же направлении, что и ваша молитва, вы не сумеете прорваться к Богу. Поэтому надо, первым делом выбрать молитву, в которую вы способны вложить всю свою душу, весь свой ум и всю свою волю, молитву, которая вовсе не должна быть образцом литургического искусства, но в ней должно быть нечто истинное и близкое тому, что вы хотите выразить. Надо понимать эту избранную вами молитву во всей ее точности и богатстве

В отношении молитв надо заметить следующее: у нас есть три пути - спонтанная молитва, изливающаяся из самого сердца; можно еще использовать краткие молитвы с призывом - они очень коротки, очень напряжены и интенсивны в своем содержании и, вместе с тем, настолько широки, что могут вместить любой смысл. Мы можем взять также и то, что иногда называют - и это неприятно звучит - «готовые молитвы», а среди них встречается плоская продукция людей, которые желают во что бы то ни стало сочинить молитвы на все случаи жизни, но, наряду с этим, есть и молитвы святых, в которых выразился их глубочайший опыт, и они на сами изобрели эти молитвы, а Святой Дух вложил молитвы в их жизнь, в их помыслы и слова. Я хотел бы коснуться всех этих трех категорий.

Спонтанная молитва возможна в двух ситуациях - либо, когда мы живо убеждены в присутствии Бога, когда эта уверенность вызывает у нас стремление воздать Богу хвалу, когда обуревающая нас радость толкает на славословие, на всю отдачу, на которую мы способны, оставаясь самими собой и глядя на Бога Живого; или же, когда мы, вдруг осознав свое положение, находимся в

смертельной опасности, потому что приблизились к Богу - и кричим от всей глубины отчаяния и заброшенности, да еще от осознания, что нет надежды на спасение, кроме как на одного Бога.

Оба эти состояния являются как бы полярными - осознание всей безнадежности положения, в котором находимся, безбожные, одинокие, стремящиеся, но не способные прорваться к Нему; или чудо, когда мы создаем, что Бог с нами, когда мы можем молиться спонтанно - и выбор слов мало то значит. Мы можем просто повторять: радость, радость... Мы можем твердить любые слова, потому что слова уже не играют роли, а только поддерживают состояние радости или отчаяния. Мы говорим в таких случаях безумные слова о своей любви и о своем отчаянии. Вы помните отрывок из Евангелия о Преображении, когда Петр говорит Христу: «Если хочешь, сделаем здесь три кущи - Тебе одну, и Моисею одну, и одну Илии...» Евангелист говорит, что он лепетал бессмысленности, потому что был вне себя. Он увидел нечто столь потрясающее, что выпалил первое, что пришло ему на ум и выражало его чувства.

Если вы думаете, что способны спонтанно молиться всю свою жизнь, вы попадаете в ребячье заблуждение. Спонтанная молитва должна излиться из души, нельзя просто открыть кран и выпустить ее. Она всегда наличествует, чтобы мы могли в любую минуту воспользоваться ею. Она приходит из недр души либо от восторга, либо от отчаяния, но ее нельзя вызвать при средних обстоятельствах, при которых мы не поражены присутствием Бога или не потрясены сознанием собственного ничтожества, когда вдруг понимаем, кто мы есть и в каком находимся положении. Попытки спонтанной молитвы при обычных обстоятельствах являются вполне иллюзорным занятием. Бывают длительные периоды, когда вы находитесь не на дне моря и не на вершине горы, когда вам приходится сделать что-то, чтобы начать молиться. В такие периоды нет и речи о спонтанной молитве - вы молитесь вполне сознательно. Это очень существенно, потому что многие люди, вступая в молитвенную жизнь, думают, что они лишены искренности, если не переживают со всей силой слова молитвы. Это полное заблуждение. Человек может быть вполне искренним при совершенно ясном сознании и прямоте своей воли, хотя в некоторые минуты эти слова или жесты не вполне выражают его настроенность.

Вот пример, который пришел мне в голову. Предположим, вы живете в семье, а работаете где-то вне дома, причем труд у вас изнуряющий - вы приходите домой совершенно измученный. И вот, когда вы вошли, ваша мать, сестра, отец или кто бы то ни было еще спрашивает вас: «Ты любишь меня?» А вы отвечаете: «Да, люблю.» Спрашивающий не удовлетворяется ответом: «Ты действительно любишь меня - вот сейчас, в эту минуту?» Вашим ответом могло бы быть (и это было бы чистой правдой): «Сейчас я не чувствую ничего, кроме одуряющей усталости и боли в спине». Но вы говорите: «Я люблю тебя», - и вы совершенно правы, так отвечая, потому что знаете - под в сей этой усталостью есть живой ключ любви. И когда Христос сказал, что любящие Его будут соблюдать Его заповеди, Он не обещал им, что они будут переходить из одного экстаза в другой, из одного восторга в следующий, от одного теологического откровения к другому. Нет, Он просто сказал: «Кто любит меня, тот соблюдает слово мое». А «соблюсти слово» всегда означает стараться достичь несколько более высокого уровня, чем если бы вы поступали совершенно спонтанно.

Итак, есть нужда в молитве не спонтанной, а основанной на убеждениях. Ее надо найти среди множества существующих молитв. У нас есть богатейшее собрание молитв, внушенных людям в минуты религиозного экстаза Святым Духом. К примеру, у нас есть псалмы и множество кратких и длинных молитв, литургическое богатство всех церквей, из которого мы можем черпать. Следует выучить наизусть и запомнить достаточное количество таких молитв, чтобы в нужный момент всегда нашлась подходящая. Значит, надо знать на память достаточно значительных отрывков из псалмов и молитв святых. Каждый из нас чувствителен к каким-то определенным текстам. Отметьте карандашом эти отрывки, западающие в вашу душу, волнующие вас, - они имеют для вас смысл, потому что выражают нечто, известное вам по собственному опыту; о чем бы они ни были - о грехе, о радости в Боге или о борьбе. Их же нужно выучить наизусть, потому что когда-нибудь, в день упадка, когда ни одно спонтанное слово не приходит на ум, вы узнаете, что слова молитв поднимутся в вашей душе и окажутся даром Божиим, даром церкви, даром святости, восполняя в вас то, что вызвано упадком сил. Вот в какие дни вы нуждаетесь в молитвах, которые выучили, чтобы они стали частью вас самих.

В православной церкви есть утренние и вечерние молитвы, которые длиннее тех, что произносятся кем-либо на Западе. Они должны бы занять полчаса утром и столько же - вечером. Надо попытаться выучить их, чтобы в нужный момент взять что-нибудь из них. Но выучить молитву наизусть - недостаточно - надо вжиться в нее и жить по ней. Если вы не вжились в молитву, а молитвы и жизнь не переплелись в единый клубок, когда молитва бывает чем-то вроде вежливого мадригала, который вы обращаете к Богу, когда хотите посвятить Ему столько-то времени.

Если в утренний час вы произносили какую-то фразу, вам надлежит весь день жить согласно этой фразе. И я считаю, что вообще, кроме того чтобы выучить наизусть столько значительных отрывков, сколько вы способны, следует завести себе правилом запоминать отдельные фразы, поразившие вас - из Ветхого Завета и Нового Завета, из литургии, а затем упорно повторять их в течение дня - столько, сколько сможете. Вы вообразите, что взяв такую фразу, вы можете прожить весь день согласно ей. Только знайте, что это исключительно трудно. Если вам удалось прожить один единственный час по одной фразе из молитвы, не нарушив ее, вам повезло, но попытайтесь делать это. Говорите: «Я прочел эту молитву - и сердце мое созрело, о Господи, в течение получаса я буду стараться, чтобы сердце мое было открыто Господу и готово повиноваться Его воле...» Только полчаса, а потом дайте себе передышку и отдохните, занявшись чем-нибудь другим. Потому что, если вы попытаетесь дольше жить по одной фразе, которая полна смысла и абсолютна, вы в конце концов скажете: «Не могу больше». И не станете больше ничего делать. Если же вы скажете себе: « У меня есть три-четыре или пять фраз как образцы и я буду пытаться применять их в течение дня и до пяти часов утра: одну, а затем другую, потом третью», - вы постепенно вникнете в слова, в их сокровенный смысл, в те чувства, которые вложили в них святые отцы. И они станут живыми для вас, войдут в вашу душу и организуют вашу волю и ваше тело - ведь именно его вы должны подчинять заповедям.

Иногда же может случиться, что вы скажете: «Я не могу прочувствовать этих слов». Если в словах выражено основное положение веры, но они не вызывают у вас никаких чувств, обратитесь с раскаянием к Богу и скажите: «Это основы

моей христианской веры, а я ничего не чувствую». Бывает, что в этот момент человек внезапно переходит к спонтанной молитве. У вас есть потребность выразить Богу свою печаль, свое огорчение и недовольство собой, и у вас появляется желание сказать Богу истинную, не приукрашенную правду и что ваша душа сопрягается с его волей.

И, наконец, мы можем повторять вслух, более или менее постоянно, одну молитву, которая служит как бы фоном или посохом в течение дня или на продолжении жизни. Так часто поступают члены православной церкви. Это то, что мы называем Иисусовой молитвой, центром которой является имя Христа: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Эту молитву повторяют монахи и монахини, а также наши миряне. Это молитва устойчивости и постоянства, ибо эта молитва не дискуссионная - в ней нет перехода от одной мысли к другой - эта молитва ставит нас перед лицом Бога, потому что вы исповедуете веру в Него и она определяет положение, в котором находится молящийся. По мнению многих святых и аскетов, в этой молитве заключена вся сущность Евангелий. Мы исповедуем божественную природу Христа, Его державную власть над нами, то, что Он - наш Господь и Бог, а это значит, что вся наша жизнь находится в Его воле, и что мы предаемся Его воле - и ничьей иной. Называя Иисуса Христом, мы утверждаем истину Воплощения и все, что ведет за собой Воплощение. Христос, в котором мы видим Воплощенное Слово, согласно Ветхому и Новому Заветам, есть посланник Яхве. В этом полное исповедание веры Христа - Он Сын Божий. Но это и не только исповедание веры в Христа, но и в Троицу, потому что мы называем Его Сыном Отца, а никто не смог бы узнать в галилейском пророке Сына Божия, вочеловечившегося и воплотившегося, если бы Дух Святой не показал нам, не научил нас поклоняться Ему и предать себя Ему в руки. Итак, здесь мы имеем четыре члена Символа Веры, так что мы, произнося эти слова, становимся перед лицом Божиим в истине и исповедуем свою веру в Святого Духа. И, наконец, «помилуй нас» отвечает греческому «Kyrie Eleison» .Мы употребляем греческие слова, означающие «помилуй нас».

Я так подробно разбираю эту краткую молитву, потому что во всех современных европейских языках она приобрела более узкий смысл, чем в древних. Часто мы произносим слова молитвы, полные глубочайшего смысла, но не подозреваем, какое в них вложено богатство мысли, потому что мы берем слова в их обычном, каждодневном употреблении, а они могли бы глубоко отозваться в наших душах, если бы только мы связали их с тем, что нам уже известно.

Я хотел бы привести вам пример, который мог бы возмутить классиков и богословов, потому что филология в моем примере сомнительна. И потому, что он основан на игре слов, которую употребили греческие святые отцы, а они великолепно владели языком и не боялись игры слов. Многие из нас в трудные минуты жизни говорят: «Kyrie Eleison», что означает «помилуй меня». Словосочетание это для нас знакомое - и мы где-то приблизительно представляем себе, что говорим. В основном, это призыв к Богу с просьбой о милосердии, сочувствии и духовной теплоте. Вот мы и подошли к пункту, в котором я могу разойтись со специалистами по классическим языкам, потому что многие из них производят слово «Eleison» от елея - оливкового масла. Предоставим языковедческие проблемы языковедам и посмотрим, к чему приведет точка зрения, основанная на Священном Писании. Произнося «Kyrie Eleison»,

мы можем довольствоваться прямым смыслом, то есть призывом к милосердию Божию. Но будем ли мы удовлетворены этим? Сможем ли мы вложить в этот призыв всю свою жизнь, поскольку эти слова мало что значат в повседневной жизни? Но если мы подумаем об оливковом дереве в Ветхом и Новом Заветах, мы обнаружим следующее: впервые олива, вернее веточка оливкового дерева, упоминается в Ветхом Завете в конце рассказа о потопе - ее голубка приносит Ною (не тот ли голубь реял над Иисусом в момент крещения?). Ветка оливы означает, что Божий гнев улегся, что дано прощение - и перед людьми открываются новые возможности. Таково первое положение. Но нам недостаточно того, что перед нами раскрыт путь - мы не всегда можем пройти по нему, скажем, если у нас болит сердце, ослабла воля или мы немощны духом и телом. И, наконец, мы не всегда умеем различить путь. Мы нуждаемся в исцелении, поэтому вспомните масло, которым добрый самаритянин смазал раны человека, покалеченного разбойниками. Целительная сила Бога дает нам возможность использовать ее, когда гнев Его утих, и мы просим о даре прощения, который обещан, о даре времени и пространства и, конечно, о вечности.

Другой образ навеивает нам помазание царей и священников, которые среди сынов Израиля были призваны стоять на пороге между миром Божественным и человеческим, между единством и гармонией мира Божьего и между раздробленностью и сложностью (не говоря уже о трудностях и вражде) мира людей. Чтобы стоять на пороге, человеку недостаточно собственных сил - он должен обладать особым даром. Этот дар давался при помазании и царям, и священникам. Но, согласно Новому Завету, все мы - каждый из нас - священник и царь, а наше призвание, как людей, как христиан, выше того, о котором смеет думать человек. Мы призваны стать и быть живыми членами тела Христова, храмами на почве чистой и достойной Святого Духа, и еще нам надлежит быть носителями Божественного начала. Все это превышает наших сил, но мы должны быть людьми в полной мере, в самом глубоком смысле, как христианство понимает человека в образе вочеловечившегося Сына Божьего. Для этого нам нужна милость и помощь Бога. Это ясно из последнего рассуждения. Итак, если мы рассуждали с подобной простотой - нам нужен для этого только словарь. И случись нам обдумать с той же прямоотой и простотой слова других молитв, мы бы убедились, как они вырастают, и какого высокого интеллектуального уровня они достигают при полном понимании. Тогда бы мы произносили слова молитвы с большим уважением, и молитва не воспринималась бы нами, как набор пустых слов или символов, истинный смысл которых утерян. Тогда прежде, чем произнести «Kyrie Eleison» - « Господи, помилуй нас, Господи, излей на меня Твою милость, Твою любовь и Твое сочувствие», мы бы прежде подумали, в каком мы находимся положении. Неужели мы уже пали до самого низкого уровня? Открываются ли перед нами бесконечные возможности, которых мы не можем использовать из-за того, что мы так тяжело изранены? Или мы исцелены - и перед нами столь великое призвание, что мы не смеем думать о нем, потому что оно выше нас? Но все можно понять, лишь бы Господь дал нам силу. Однако это требует точного употребления слов. И такого употребления слов, чтобы они выражали наши чувства, а также, чтобы слова вобрали в себя всю глубину и интенсивность нашей личной жизни. Но если слова, которые мы употребляем, не имеют соответствия в нашей жизни, разобщены с ней, они останутся лишними значения и бесплодными, подобно стреле, которую нельзя пустить из-за отсутствия тетивы. Совершенно бесполезно просить Бога о

том, к чему мы сами еще не подготовлены. Если мы просим: «Господи, избавь нас от этого искушения», а сами ищем пути, как бы поддаться этому самому искушению, надеясь, что Бог увидит и выручит нас, у нас очень мало шансов, что Бог нас услышит. Бог дает нам силу, но использовать ее мы должны сами. Когда в молитве мы просим Бога дать нам силу, чтобы сделать то или это, мы не просим, чтобы Он сделал это за нас, потому что мы слишком слабы, чтобы самим затратить усилие и совершить то, что нам нужно.

В этом смысле показательны жития святых. А в житии св. Филиппа Нери описан именно такой случай. Он был гневлив, легко ссорился и впадал в ярость, а потому много терпел от своих братьев. Однажды он почувствовал, что дальше так продолжаться не может. В житии не говорится, самому ли стало стыдно или братья так опротивели ему, что он больше не мог их терпеть. Известно, что он побежал в часовню, пал ниц перед статуей Христа и стал молить об избавлении от гневливости. Вышел он из часовни преисполненный надежды. Первый, кого он встретил по выходе, был один из его братьев, который раньше не вызывал в нем приступов ярости, но впервые этот брат проявил агрессивность и не понравился Филиппу Нери. Он весь вспыхнул от гнева и пошел дальше, а тут встретил другого своего брата, бывшего для него всегда утешителем и миротворцем. Но даже этот человек ответил ему грубо. Тогда Филипп бегом вернулся в часовню, простерся перед статуей и сказал: «О, Господи, разве я не просил Тебя избавить меня от гнева?» На что Господь ответил ему: «Да, Филипп, и поэтому я умножаю случаи, которые вызывают твой гнев, чтобы ты научился бороться с ним».

Я думаю, нам важно знать, что Господь будет действовать именно таким путем. Вы не можете желать, чтобы Его распинали каждый день ради нас. Бывают моменты, когда вам приходится взвалить на плечи свой собственный крест. Каждый из нас должен нести свой крест, а когда в молитвах мы о чем-нибудь просим, мы потом приступаем к делу, вкладывая в него всю свою силу, весь свой ум и энергию, на которую способны, а также смелость и энтузиазм. Вдобавок, мы действуем благословясь, зная, что испросили у Бога благословения - и Он даст нам силу для выполнения своего дела. Если же мы поступаем не так, то время, затраченное на молитву, пропало даром. Это значит, что «Господи, помилуй» и другие слова молитвы могут быть обращены против нас. Наш дух должен оформиться, образоваться, благодаря этим словам, исполниться ими и гармонизировать в соответствии с ними. Мы должны воспринять их всем сердцем с полной убежденностью и произнести их со всей силой, на которую способны, а наша воля тогда завладеет ими и переведет их в действие. - это две стороны одного предстояния перед Господом. Если что-нибудь не так, все это напрасная трата времени. Что за смысл говорить Богу о делах и поступках, а когда Он дает нам силу для действия, тихонько сидеть поодаль и ждать, чтобы он все выполнил за нас? Что за смысл расточать Богу обветшалые, мертвые, лишённые смысла слова - разве это где равносильно паутине, которую бы мы растянули между Богом и собой? («Дурно пахнут мертвые слова». - *Прим. перев.*)

Из этого следует: выбирай тщательно слова. Выбрав же, сосредоточь на них внимание, потому что они - слова истины и Бог услышит, потому что в них истина. Вложи в них все свое сердце. Сделай эти слова живыми и трепещущими интеллектуальной силой, потому что в них истина, - и старайся, чтобы они проникли в самую глубину твоей души.

Слова молитв обладают способностью всегда быть формулами обязательства. Вы не можете произнести молитву, не включая в нее следующее обязательство: «Я говорю это, потому что совершу это, как только представится случай». Когда вы говорите Богу: «Господи, спаси и помилуй», - помните, что вы должны вложить в них всю свою силу, потому что настанет день, когда Господь скажет: «Вот цена, плати». Древние писатели говорили: «Отдай Господу свою кровь, пролей ее, и Он вознаградит тебя духовным даром». Вот эта цена. Откажись от всего ради Царствия Небесного, откажись от порабощения - и станешь свободным. Так как ваша воля включилась не только в молитву, но во все ее последствия, такой должна стать и ваша плоть, потому что человек не просто дух, заключенный на время в плоть - он существо, состоящее из духа и плоти, единый в своей двоякости - вот каков человек.

В молитве необходимо физическое усилие. К нему относятся и напряженное внимание, и ваша поза во время молитвы. Сюда же входит пост: если вы так разжирили, что не можете молиться, поможет только пост.

Если мы хотим уйти глубже внутрь себя, как человек буравит землю, чтобы добыть что-нибудь из ее недр, нам придется пойти на риск. И этот риск заключается в том, чтобы буравить вглубь, внутрь себя, а это очень трудно. А с виду это кажется просто. Мы все думаем, что мы глубоки - и чем глубже мы откроемся, тем будет прелестнее. Однако, это далеко не так. Когда мы уже дошли до какой-то глубины, это становится правильным. Но пока мы пробираемся вглубь, дело обстоит далеко не так и больше всего напоминает поиски Грааля. На пути нам встретятся разные чудовища - и они не совсем наш постоянный сосед дьявол, а именно чудовища. И это делает все особенно трудным и неприятным.

Вообще говоря, страх, жадность и любопытство служат нам стимулом для жизни во вне. Французский ученый, работавший в Америке, выпустил книгу под названием: «Человек - это неизвестный». И в ней он писал, что если мы спросим себя, где находятся границы личности, то увидим, что язык жадности вытянут навстречу всем съедобным вещам и покрыт присосками; глаза любопытного вытаращены, как щупальца и шныряют во все стороны; уши подслушивающего вырастают длинными и, хлопая, уходят вдаль. Если бы вам зарисовать себя в таком виде, вы бы заметили, что внутри не остается Ничего, а все уходит и вывернуто наружу. Значит, первое, что надо сделать, это вобрать в себя все присоски. Вы не сможете погрузиться в глубину, если все торчит у вас наружу.

Научитесь еще некоторым полезным вещам. Попробуйте определить, сколько времени вы сможете выдержать наедине с самим собой. Закройте дверь и оставайтесь в комнате один. Скажите себе: «Я теперь один» - и посидите с самим собой. Скорее всего, через самый короткий промежуток времени вы страшно соскучитесь. Из этого можно сделать существенный вывод. Если побыв наедине с собой десять минут, мы соскучились, то каково же другим в нашем обществе? Разве удивительно, что они еле подавляют зевоту? Почему же так получается? Потому что у нас слишком мало материала для мысли, для эмоций, для жизни... Подумайте над своей жизнью и увидите, что вы почти не живете изнутри наружу. Мы только отзываемся то на один, то на другой раздражитель. Иными словами, мы живем - отражая и регулируя, Что-то случается - и мы отзываемся; кто-то заговорил к нам - мы отвечаем. Предоставленные самим себе, когда

убраны все раздражители, побуждающие нас думать, говорить, действовать, мы замечаем, как мало в нас побудителей к какому бы то ни было действию. Это подлинная драма - такое открытие. Сами мы совершенно пусты: действуем не по внутреннему побуждению и принимаем за свою жизнь ту, которая питается соками из вне. Мы привыкли к тому, чтобы случались вещи, которые побуждают нас действовать. Как редко мы живем по той глубине и богатству, которые признаем вполне своими.

У Диккенса в «Записках о Пиквикском клубе» есть хорошее место, отлично описывающее жизнь, вероятно, и нашу жизнь. Мистер Пиквик едет в клуб. Он нанимает кеб и по дороге задает извозчику бесчисленное количество вопросов. Среди них есть и такой: «Скажите, каким образом такая тощая и горемычная кляча тащит такой большой и тяжелый экипаж?» Кучер отвечает: «Дело не в лошади, а в колесах.» Мистер Пиквик недоумевает: «Что вы хотите этим сказать?» Кучер объясняет: «У нас такая великолепная пара колес и они так хорошо смазаны, что лошади стоит только шевельнуться, как они начинают катиться - и она, бедняга, должна бежать очертя голову...» Подумайте, как мы живем изо дня в день. Мы - не лошадь, которая тянет повозку, а кляча, бегущая со всех ног, чтобы не попасть под собственные колеса.

Поскольку мы не знаем, как поступать без внешнего стимула, мы открываем, что нам нечего с собой делать, и поэтому нас охватывает неистовая скука. Прежде всего, учитесь оставаться наедине с собой и переносить скуку, делая из этого все соответствующие выводы.

Вскоре это становится хуже, чем скука, ведь мы просто скучаем, мы не способны сказать: «Я - человек активный и нужен своему соседу. Я всегда делаю добро. Для меня бездействие, когда я ничего ни для кого не делаю, является тяжким испытанием». И нам открывается еще кое что. Мы чувствуем ужасающую скуку, когда пытаемся избавиться от скуки, заглянув в себя, вовнутрь и узнать: нет ли чего, что поможет положить конец неопределенности. И тут же выясняется, что там нет ничего, потому что то, что у нас есть для раздумий - уже давно обдуманно. И не раз, а десятки раз мы уже об этой крохе подумали. Все оттенки чувства, имеющегося у нас в запасе, напоминают рояль с запертой крышкой, потому что этот рояль сам по себе не привык играть. Нам надо, чтобы кто-нибудь другой нажимал на клавиши. Но мы не привыкли к бездействию - нам становится не по себе, а это может привести к душевным мукам. Если вы почитаете отшельников, у которых был подобный опыт, или монахов, проведших всю жизнь в монастырях, вы узнаете, что бывали минуты, когда они, взывая о помощи, выбегали из своих келий и искали людей - кого угодно, лишь бы уйти от одиночества. С дьяволом было бы легче, чем в этой пустоте самопознания. Один из духовных писателей - Феофан Затворник - писал: «Большинство людей напоминают кусок древесной породы, закруглившись вокруг центральной пустоты, то есть дупла». Если мы вполне честны, нам надо признаться, что таково большинство из нас.

Нам надо будет побороть душевную муку и сказать себе: «Нет, я не сдамся, я пройду через все и дойду до того, что тоска заставит меня делать то, на что я просто по доброй воле не умел пойти». Конечно, приходит момент, когда в тоске, смятении и страхе, от которых мы глубоко погружаемся в себя, из нас исторгнется крик: «Господи, сжался! Я погибаю, Господи, спаси и помилуй».

Мы открываем, что в нас ничего. То, что способно дать жизнь - находится снаружи, а внутри - одна пустота.

Мы глядим в бездну безнадежной пустоты и сознаем, что чем глубже, тем от нас меньше остается. Это опасный момент - и здесь следует замедлить, а не идти дальше без колебаний.

На этом этапе мы достигли первого уровня, когда можно постучаться в двери. Потому что на том уровне, где мы только отдыхали от своего соседа и еще не скучали, на том уровне, где почувствовали скуку и нам стало стыдно, что мы скучаем, на том уровне, где мы начинаем беспокоиться и огорчаться, а затем чувствуем некоторую тоску, у нас еще нет оснований для крика и вопля отчаяния, которые наполняют всю нашу душу, наше сердце и нашу волю, все наше тело - так что остается лишь вопить и кричать, потому что мы преисполнены уверенности, что мы погибли, если Сам Бог не придет на помощь, ибо, если я выйду с этой глубины, я попросту вернусь в мир мнимостей, в мир отражений, а не реальной жизни.

Это пункт, с которого мы можем начать стучаться в дверь. Хотя она еще закрыта, но уже есть надежда, подобная той, которую почувствовал Вартимей, слепец у ворот Иерихона, когда там проходил Христос. Мы знаем из Евангелий, что Вартимей сидел на обочине дороги совсем слепой, потерявший веру и надежду на помощь людей, вынужденный просить милостыню на пропитание, не надеявшийся на милосердие (что означает «милое сердце», доброта). И на тот вид милосердия, когда люди бросают медяк нищему, даже не подарив его взглядом. Однажды этот нищий слепец, уже отказавшийся от всякой надежды и сидевший в пыли и грязи, услышал о Человеке, новом пророке, который творил чудеса по всей святой земле. Будь у него глаза, он, по всей вероятности, вскочил бы и побежал по стране, разыскивая Его, но куда было слепому угнаться за бродячим чудотворцем. Вот он и остался на месте и от сознания, что есть некто, кто бы его, наверное, исцелил, тоска и отчаяние стали еще глубже, еще мучительнее. Однажды он услышал, что мимо проходит толпа, причем шум от этой толпы бы не такой, как от других толп. Он развил, как это случается со слепыми, особенно острый слух и особую восприимчивость, превосходящие наши. Потому-то он и спросил: «Кто здесь проходит?». Ему ответили: «Иисус из Назарета». И он поднялся в состоянии крайней надежды и крайнего отчаяния. Надежды: потому что Христос проходил тут, рядом, но в основе сохранялось щемящее отчаяние, что еще несколько шагов - и Он окажется рядом с Вартимеем и может пройти мимо и никогда не возвратится на эту дорогу, не пройдет рядом со слепцом. И в этой своей отчаянной надежде он закричал: «Иисус, сын Давидов, помилуй меня!» Это было настоящее исповедание веры. Только из глубины безвыходного отчаяния у этого человека могла появиться надежда столь дерзновенная, что он поверил в исцеление и спасение. И Христос услышал его.

Есть такая степень отчаяния, где оно соприкасается с надеждой - полной и прекрасной. Это та точка, когда углубившись в себя, мы способны молиться, и в этом состоянии сказать: «Господи, помилуй» - вполне достаточно. Вовсе не надо читать сложные молитвы, которые мы находим в молитвенниках. Достаточно просто закричать: «Помоги!» - и вы будете услышаны.

Часто мы не находим достаточной интенсивности в нашей молитве, достаточной убежденности, достаточной веры - и это потому, что наше

отчаяние не глубоко. Мы хотим иметь Бога вдобавок ко всему тому, что имеем, мы жаждем Его помощи, но, в то же время стараемся найти помощь повсюду, где только возможно, а Бога как бы держим про запас - для последнего рывка. Мы обращаемся к сильным мира сего - «князьям и сынам человеческим», мы говорим: «Я не буду просить о помощи людей, потому что хочу только Твоей помощи». Если наше отчаяние поднялось с достаточной глубины, если то, о чем мы просим, настолько значительно, что равно всей сумме прочих нужд и потребностей, тогда мы находим слова для молитвы и способны достичь ядра молитвы - встречи с Богом.

Теперь еще о суете и шуме. Здесь мы вернемся к Вартимею. Он, как мы знаем, закричал. Но что говорит Евангелие об остальных? Они пытались утихомирить его - и мы можем представить себе всех этих благочестивых людей с хорошим зрением, с сильными ногами, здоровяков, окруживших Христа, говорящих о разных предметах: о грядущем царствии, о тайнах Священного Писания. И они поворачивались к нищему слепцу со словами: «Успокойся, почему ты не можешь успокоиться и замолчать? Что - глаза? Что значат твои глаза, когда разговор идет о Боге!» Вартимей как бы выпал из окружения, чтобы спросить Бога о чем-то своем, чего он насущно жаждал, нарушая церемониал и всеобщую гармонию. Его немедленно отбросят в сторону, заставят замолчать, заткнут ему рот... Но Евангелие говорит, что вопреки всем этим людям, которые хотели заставить его замолчать, он продолжал свое, потому что это было для него чересчур важно. Чем больше они шикали на него, тем сильнее он кричал.

Я подхожу к тому, что хочу сказать. В Греции был святой по имени Максим, который однажды зашел в церковь и услышал чтение послания, где говорится, что мы должны молиться непрерывно. Это так поразило его, что он понял, что только тем и будет заниматься, что выполнять завет. Он вышел из церкви, отправился в горы и стал непрестанно молиться. Греческий крестьянин четвертого века, он знал «Отче наш» и еще несколько молитв - и вот он все повторял и повторял их. Он сам об этом рассказывает. И он почувствовал себя очень хорошо. Он молился, он был с Богом, он был призван. Казалось, все было так прекрасно... Но вот солнце стало заходить раньше, похолодало, стало темнеть - и ему начали слышаться посторонние звуки - затрещали сухие ветки под звериными лапами, в темноте загорались огоньки глаз хищников, слышался писк мелких зверьков, оказавшихся в лапах более крупных и так далее... Вот тогда -то он и почувствовал, что он действительно маленькое беспомощное существо, один-одинешенек в мире, полном опасностей, смерти и убийств - и никто ему не поможет, если только не Сам Бог. Он уже больше не читал «Отче наш» и «Символ Веры», а поступил так же, как Вартимей - закричал: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!» Так он вопил всю ночь, потому что дикие звери, светящиеся искорки глаз их не давали ему уснуть. Пришло утро и он решил, что раз уже звери скрылись, он может молиться. Но тут он ощутил голод. Он решил собрать с кустов ягоды, но сообразил, что дикие звери с тяжелыми лапами и сверкающими глазами могут прятаться в кустарнике. Потому он, крадучись, направился к зарослям, на каждом шагу произнося: «Господи, Иисусе Христе, спаси меня, помоги мне, спаси меня. О, Боже, помоги, защити меня». Таким образом, за каждую сорванную ягоду он произносил несколько молитв.

Шло время - и спустя много лет, он встретил старого, умудренного опытом отшельника, который принялся его расспрашивать о том, как ему удалось

научиться непрерывному молению. Максим ответил: «Думаю, дьявол меня научил молиться беспрестанно». Отшельник сказал: «Я, кажется, понимаю, что ты подразумеваешь под этим, но хотел бы увериться, что понял тебя правильно». Максим рассказал, как он постепенно привык ко всем шумам и опасностям дня и ночи. Как затем пришли искушения - искушения плоти, искушения ума и чувств, а потом жестокие атаки дьявола. После них-то, каждую минуту дня и ночи он кричал: «Господи, спаси и помилуй, помоги, помоги, помоги...» Так прошли четырнадцать лет - и вот однажды Господь явился ему. С тех пор мир, тишина и покой воцарились в душе его. Страх исчез - он уже не боялся ни темноты, ни зарослей кустарника, ни даже самого дьявола - Господь исцелил его от страха. «Вот тогда-то, - рассказывал Максим, - я понял, что совершенно незащищен, если Сам Господь не приходит мне на помощь. Поэтому, когда я стал чист, и мир был во мне, и счастье, я все равно продолжал молиться: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Максим познал, что только по милости Бога бывают мир в душе и в сердце, покой плоти и правильно направленная воля.

Так Максим (Николай) научился молиться не для того, чтобы преодолеть суету и хаос, но вопреки им, потому что суета и хаос - настоящая опасность для человека. Если бы мы осознали: что находимся в гораздо большей суете и хаосе, где всегда рыщет дьявол, стараясь поймать и погубить нас; что каждая встреча с человеком - есть суд, есть кризис, когда мы призваны либо принять Христа, либо стать вестником Христа для того человека, с которым мы встретились. Если бы мы понимали всю значительность жизни, всю ее смысловую нагрузку, тогда мы оказались бы способны к непрерывной молитве - и суета стала бы не препятствием, но условием, которое учит нас молиться. Когда у нас нет еще опыта, и мы не умеем молиться от глубины души без какого-либо особого побуждения, без толчка к молитве.

Если мы ничего не знаем о молитве, если мы никогда в жизни не молились, как можем мы научиться молитве в тех условиях, в которых мы живем? Я проводил опыты над этим в самых разнообразных ситуациях: в те годы, когда я был врачом - пять военных лет; потом - священником, - и знаю, что мне это удавалось. Это удается, когда вы достаточно просты, чтобы выполнить указания. А они таковы...

Проснувшись утром, вы, прежде всего, благодарите Бога за это, хотя бы вы и не предвкушали никаких радостей на грядущий день. «Этот день подарен нам Богом, порадуемся же ему и будем благодарны за этот дар». Сделав это, обдумайте то, что вы сказали, чтобы познать истину этих слов и удостовериться в ней: быть может, это будет убеждение, а не то, что называется радостью. Затем встаньте, хорошенько помойтесь, сделайте все, что нужно, и снова вернитесь к Богу. Возвращайтесь к Богу с двумя осознанными мыслями. Во-первых, поймите, что вы для Бога - родное существо; во-вторых, что этот день принадлежит Богу, что он абсолютно новый, абсолютно свежий. Этого дня никогда еще в жизни не было. Говоря с точки зрения русского,, он подобен большому пространству чистого, только что выпавшего снега, чистого и белого в его непревзойденной белизне. Никто еще не топтал этот снег. Он девственно чист - и сверкает перед вашим взором. А что же дальше? Дальше вы просите Бога благословить этот день, чтобы все было благословенно и по воле Божией в этот день. Нужно отнестись к этому серьезно, потому что мы часто говорим: «Господи, благослови», - а затем, получив благословение, поступаем как

блудный сын - собираем вещи и уходим в чужие края, чтобы вести там распутную жизнь.

Этот день благословен Господом, этот день - Божий, и мы входим в него с сознанием. Вы живете в этот день, как посланник Бога. Кого бы вы ни встретили, вы отнесетесь к нему, как велел Бог. Вам надлежит быть в этот день представителем Отца, представителем Сына. Представителем Духа Святого и возвестителем Евангелия - такова ваша функция на этот день. Бог никогда не говорил, что если вы живете во Имя Его, то Он в этот день будет распят, а вы будете тем, кто воскрес. Будьте готовы входить в положение, в каждую создающуюся ситуацию - в одну за другой: во имя Бога, так, как делал Сын Божий: со всем смирением, готовый принять все унижения, действуя ради истины, и готовый к тому, что тебя подвергнут самым настоящим преследованиям. Обычно, выполняя слово Божие, мы ожидаем немедленного и ослепительного результата, как, мы читаем, бывало иногда в жизни святых. К примеру, кто-то бьет вас по щеке и вы подставляете вторую щеку, хотя отнюдь не рассчитываете на другую пощечину - вам кажется, что обидчик воскликнет: «Какое смирение!», так что вы получите тут же награду и, кстати, спасете душу того, кто ударил вас. Но так не бывает. Вы должны платить за все - и чаще всего вас здорово избивают. Главное, чтобы вы были готовы к этому.

Что же касается того дня, который вы приняли как Божий день; день, благословенный Богом и выбранный Его собственной волей, то в такой день всякий человек, встреченный вами, - есть Божий дар; все события этого дня: приятны они вам или отвратительны, горьки или сладки - есть Божий Дар. Этот день - подарок Бога, и, если вы его так воспринимаете, то сможете достойно встретить всякое событие. Но тогда, что бы ни случилось - дурное или хорошее - в этот день, в который вы живете во имя Бога, потому что он пришел свежий и новый из Его рук и был благословен, чтобы вы прожили его во имя Бога. Если вы действительно сможете жить достойно в этот день, тогда молитва и жизнь станут для вас как две стороны одной монеты. Вы живете и молитесь одним дыханием, потому что все события дня, следующие одно за другим, нуждаются в благословении Бога.

Много лет тому назад я говорил это в Тезе и сохранил связь приблизительно с тридцатью юношами и девушками, поддерживая с ними переписку. Одна из них написала мне: «Я пробовала жить по вашему совету. Я старалась изо все сил. У меня еще не было минуты, когда бы я не молилась и не действовала. Я все время действовала и молилась, но теперь я не могу слышать имени Бога, не могу выдержать подобную молитву...» Я написал ей: «У вас несварение желудка. Надо было и в молитве проявить здравый смысл, как проявляют его в повседневной жизни. Вы не можете, никогда прежде не молившись, начать с восемнадцатичасового диалога с Богом и молитвы без перерыва, когда вам нужно делать другие вещи. Но вы можете свободно выделить две или три минуты, чтобы со всей силой воззвать к Богу. Поднимите попросту глаза к Богу и улыбнитесь Ему. Бывают минуты, когда вы должны честно признаться Богу: «Мне попросту нужно отдохнуть, у меня нет сил проводить все свое время с Богом. Не скрывайте этого от Бога - Он и так все знает: и то, что вы делаете и думаете для него совершенно прозрачно. Отойдите в сторону и скажите: «Надо отдохнуть. Я хочу на время быть не такой святой»...

Таким способом мы можем отдохнуть и поглядеть на вещи, которые тоже Божьи - на деревья, на дома - и снова вернуться к Богу. Если мы пытаемся молиться непрерывно, вскоре мы терпим поражение, но, если мы разумно выбираем минуточки, мы способны к молитве.

Если вы будете так поступать, вы научитесь молиться. Вы можете экспериментировать, но помните, что есть грех, который Отцы церкви называли «духовной жадностью». Он заключается в том, что вы хотите все больше и больше иметь Бога, хотя в данный момент вас следовало бы посадить на диету и дать вам немножко, так как с вас и этого хватит.

1У.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

В современной жизни проблема времени, а также того, как его распределять, стала очень острой. Я не намерен убеждать, что у вас достаточно времени - и вы можете молиться, если хотите того. Я хочу показать, как можно распределять время, несмотря на тиски и суету современной жизни.. Я избавлю вас от рассуждений, как добывать дополнительное время, но скажу только, что если мы будем меньше тратить времени зря, то у нас станет его больше. Если мы будем пользоваться крохами времени, которое обычно зря расходуется, чтобы вспоминать и молиться, мы обнаружим, что у нас много времени. Если вы подумаете о множестве свободных минут в дне, когда мы делаем что-то только потому, что боимся пустоты и не любим оставаться наедине с собой, мы поймем, что есть много свободных минут, которые могли бы принадлежать и нам, и Богу. И я хочу поговорить о чем-то более важном. Это способ, которым мы можем контролировать и останавливать время. Мы способны молиться только в состоянии устойчивости и внутреннего мира перед лицом Господа, а такие состояния освобождают нас от чувства времени - не объективного времени, которое показывают нам часы, а субъективного чувства, что время бежит - и нам некогда.

Прежде всего, я привлеку ваше внимание к тому, что мы все знаем и о чем часто говорим. Нет никакой необходимости, чтобы бежать за временем, чтобы поймать его. Оно не убегает от нас, а бежит навстречу нам. Осознаете ли вы, что следующая минута наступит или совершенно об этом не думаете - она все равно придет к вам. Будущее все равно станет настоящим - и это произойдет независимо от вашей воли, так что нет никакой необходимости перескакивать из настоящего в будущее. Мы можем спокойно ждать, чтобы оно само пришло - и таким образом можем быть стабильными и все же двигаться во времени, потому что оно движется, а не мы. Вы помните, как вы сидите в машине или в вагоне, но не крутите баранку, а спокойно смотрите в окно или читаете, думаете, вы отдыхаете, а поезд движется - и в известный момент, который только что был будущим, - следующая станция или конечная остановка все равно приходит. Думаю, это очень важно осознать. Мы часто делаем такого рода ошибку по отношению к своей внутренней жизни - нам кажется, что если мы будем торопиться, то ускорим приход будущего, подобно человеку, который пересел из последнего вагона в первый, рассчитывая, что этим сократит расстояние между Лондоном и Эдинбургом. На подобном примере мы понимаем весь абсурд спешки, но когда мы стремимся опередить самих себя на

вершок, мы почему-то не осознаем абсурдности своего поведения. Между тем, именно это мешает нам полностью находиться в настоящем и жить текущим моментом, а это, по-моему, единственное время, в котором мы способны находиться, потому что, как бы мы не воображали, что мы опередили время или себя, этого не случается. Единственный результат подобного ложного представления - это то, что мы постоянно спешим, но мы вовсе не движемся быстрее из-за своей спешки. Вы, наверное, это неоднократно замечали. Некто с двумя тяжелыми чемоданами бежит, пытаясь догнать автобус: он бежит на предельной скорости, которую допускают чемоданы, и весь он подчинен стремлению и порыву быть там, где его нет.

Вы знаете также, что бывает, когда вы гуляете в праздник. Вы можете идти быстро, весело и живо, а если вы молоды - даже бежать, но вы не спешите, потому что в эту минуту играет роль самодвижение, а не прибытие к цели. Это надо усвоить и для молитвы - уметь находиться в настоящем. Обычно мы думаем - и соответственно этому ведем себя, - будто настоящее есть только воображаемая линия между прошлым и будущим. Мы непрерывно перекатываемся через линию, наподобие яйца, когда его катают по скатерти. Если вы катаете его, оно катится непрерывно и - никогда нигде не бывает - у него нет настоящего, потому что оно всегда устремлено в будущее.

Не каждому удастся испытать то, что называется «пограничными ситуациями», о которых нам рассказывается многое, но я хотел бы рассказать вам в немногих словах о том, что я однажды пережил, так как оно было для меня очень полезно.

Во время немецкой оккупации я был в движении Сопротивления и однажды, опустившись в метро, был схвачен полицией. Это одно из самых интересных переживаний в моей жизни. Опуская все романтические подробности - что случилось и как случилось, - я расскажу об этом в более обобщенно-философском плане, поскольку это имеет прямое отношение к проблеме времени. Вот что произошло: у меня было прошлое и будущее - и я быстро шел из одного в другое, поспешно спускаясь лестницей в метро. Вдруг кто-то положил мне руку на плечо и сказал: «Стой! Предъяви документы». В этот момент произошло многое. Во-первых, я начал думать очень быстро и чувствовать все с чрезвычайной остротой. Я осознал всю ситуацию с такой отчетливостью, которую никогда не испытывал на последних ступеньках метро на площади Этуаль. Во-вторых, я осознал, что у меня нет прошлого, потому что мое прошлое было такой штукой, за которую меня бы расстреляли. Итак, это прошлое мгновенно исчезло. Фальшивое прошлое, которое я выдумал и о котором собирался говорить, никогда не существовало. Я почувствовал себя ящерицей, которую поймали за хвост - и она убежала, оставив хвост где-то, так что теперь ящерица заканчивалась там, где начинался ее хвост. Тогда же я открыл одну очень важную вещь (разумеется, я не размышлял о философии времени в тот момент). То, что я понял вдруг и сразу, а потом постепенно осмыслил, было: у нас есть будущее только в той степени, в какой мы можем предвидеть, что последует: то есть на минуту вперед, за дюйм до того, как мы дошли до него. Если вы не знаете, что сейчас будет - будущего у вас нет и вы похожи на человека, стоящего в абсолютно темной незнакомой комнате. Вы стоите - и есть только темнота, которая давит вам на глаза. Перед вами, может быть, нет ничего, а может быть, есть бесконечность - это безразлично. Вы кончаетесь там, где начинается темнота. Так я открыл, что у меня нет будущего. Тогда я понял, что жить в прошедшем и будущем равно невозможно. Ящерица

была без хвоста и темнота давила мне на глаза. Я понял, что внедрен в настоящий момент, а все мое прошлое, то есть все, что могло быть - сконденсировано в настоящем мгновении с такой интенсивностью и красочностью, что оказалось опьяняюще веселящим - и это позволило мне случайно спастись.

Поскольку дело касается времени, я знаю, что бывают минуты, в которые (не входя в детали), чувствуешь настоящую минуту - она здесь, а прошлое безвозвратно ушло, кроме тех его частиц, которые входят составной частью в настоящее, и будущее также неуместно, поскольку неизвестно, осуществится ли оно. Это случается, если с вами произошел несчастный случай или же в минуты тяжелой опасности, когда нужно действовать необычайно быстро. У вас нет возможности уютно перекачаться из прошлого в будущее. Вам приходится полностью быть в настоящем, чтобы все ваше существо и вся ваша энергия решительно собрались в точке «сейчас». Вы вдруг открываете, что действительно находитесь в сейчас. Вам известно, как неощутимо тонко то, что в геометрии называется линией, плоскостью. И вот эта тонкая линия, не обладающая ни какой толщиной, движется или, вернее, время движется под ним - и все, что могло быть будущим, становится этим «сейчас». Вот это состояние мы должны изучить. И познать его надо в мирной жизни. Надо, по-моему, упражняться, учась останавливать время и жить в настоящем, в этом «сейчас», которое есть мое настоящее - и, вместе с тем, пересечение времени и вечности.

Что же мы можем сделать? Вот первое упражнение. Оно может быть выполнено, когда у вас нет никаких дел, когда никто не гонит вас ни вперед, ни назад и вы можете три-пять минут, полчаса уделить досугу, ничего не делать. Вы садитесь и говорите: «Я сижу, я ничего не делаю, я ничего не буду делать целых пять минут». Затем расслабьте мышцы и непрерывно в течение всего этого периода (для начала пусть это будет три минуты - больше вы попросту не выдержите) старайтесь осознать: «Я здесь в присутствии Бога один. Вокруг меня только мебель - и больше ничего. Я спокойно сижу, не двигаюсь, никуда не спешу». Нужно заранее подготовить еще одну вещь: в течение этих двух или трех минут, когда вы учитесь тому, что настоящее существует, устройте так, чтобы вас не отвлекали телефонные звонки, стук в двери или, чтобы вас вдруг не охватил неожиданный прилив энергии и вы не решили за эти считанные минуты доделать все, что не успели за десять лет. Итак, вы садитесь и говорите: «Я здесь», - и вы остаетесь здесь. Если вы научитесь проделывать это в свободные минуты и будете при этом спокойны, счастливы, благодушны, увеличьте время, а потом прибавьте еще несколько минут. Вскоре вам придется принимать какие-то защитные меры, потому что вы сможете просидеть спокойно две минуты, когда звонит телефон или стучат в двери, но уже пятнадцать минут - слишком долгий срок и для телефона, и для человека, стоящего за дверью. Успокойтесь, объяснив себе, что если бы вас не было дома, никто бы не снял телефонную трубку и не открыл бы двери. Либо, если вы убедитесь в полезности подобных упражнений и вместе с тем обладаете известной смелостью, поступите так, как делал мой отец. Он вывешивал на дверь записочку: «Не утруждайтесь стучать. Я дома, но дверей я не открываю». Это решительный способ - люди сразу понимают такую формулу. А вот если вы напишете: «Будьте добры, обождите пять минут» - доброта посетителя исчерпается за две минуты.

Научитесь этой стабильности и безмятежности, научитесь останавливать время не только тогда, когда оно не торопится и само по себе остановилось, но и в те минуты, когда оно мчится и предъявляет вам требования. Вот как это делается. Вы заняты чем-нибудь, что вы считаете важным; вы чувствуете, что мир содрогнется, если вы это не доделаете. Но если при этом вы вдруг скажете: «Пора остановиться», - вы откроете для себя много интересных вещей. Во-первых, вы узнаете, что мир не содрогнулся и, кроме того, весь мир - если вы способны представить себе весь мир в целом - может подождать пять минут, пока вы не занимаетесь ним. Это очень важно, потому что мы обычно обманываем себя, говоря: «Я должен это сделать, это дело милосердия, это мой прямой долг, нельзя оставлять это незаконченным». Между тем, можно позволить себе передышку, потому что по чистой лени вы оставите свое дело недоделанным на гораздо больший срок, чем те пять минут, которые вы избрали. Итак, первое, что вы себе говорите: «Что бы ни случилось, я сейчас остановлюсь». Самый удобный способ это сделать - завести для себя будильник. Поставьте его на стол и скажите: «Я буду работать, не глядя на часы, пока он не зазвонит». Это тоже очень важно, потому что вам нужно разучиться смотреть на часы. Если вы гуляете, зашли далеко и опаздываете, вы непрерывно поглядываете на часы, но вы замедляете ход, если смотрите не прямо перед собой, а на свое запястье. Будь это пять минут или три минуты, или семь минут - вы все равно опаздываете. Надо было раньше спохватиться - и вы пришли бы вовремя, а если вы наверняка уже опаздываете, идите так быстро и легко, как только можете. И на три, и на пять, и на семь минут вы опаздываете - это, в сущности, безразлично. Подойдя к двери, посмотрите, какой у вас виноватый вид...

Итак, когда будильник зазвонит, вы знаете, что на ближайшие пять минут со всеми мирскими делами покончено, и вы не сдвинетесь с места. Эти минуты принадлежат Богу - и вы усаживаетесь в Его времени спокойно, молча и смиренно. Сначала вам будет очень трудно и вам будет казаться, что очень важно закончить то, что вы делали: например, дописать письмо или дочитать параграф. Потом обнаруживается, что вы можете отложить свое дело на три, пять или десять минут - и ничего из-за этого не случится. Если ваша работа требует пристального внимания, вы обнаружите, что после передышки она идет гораздо быстрее и лучше.

Я приведу вам еще один пример. Когда я был врачом, мне сначала казалось, что нехорошо по отношению к ожидающим, если я буду долго осматривать пациента, находящегося у меня в кабинете. Поэтому я старался сплавить его, как можно быстрее. Вскоре я обнаружил, что в конце приемных часов я совершенно не помню своих больных. Потому что, разговаривая с больным, я находился не с ним, а все время смотрел ясновидящим взглядом на тех, кто еще не вошел и считал головы тех, кто пребывал в передней. В результате этой раздвоенности, каждый вопрос мне приходилось задавать дважды; каждый осмотр проводить дважды, а иногда - и трижды. Закончив, я не мог вспомнить, задал ли я какой-то вопрос, произвел ли такое-то исследование. Конечно, не все на меня похоже. У вас память, быть может, гораздо лучше моей. Но это просто пример того, что может случиться и с вами.

В конце концов, я почувствовал, что это нечестно и решил относиться к каждому больному так, будто кроме него на свете никого не существует. Как только я ощущал понукающее: надо поторопиться, я останавливался и задавал

пациенту несколько праздных вопросов, чтобы не позволить себе начать спешку. В течение двух недель я обнаружил, что торопиться не выгодно. Можно быть полностью поглощенным человеком или делом, которое перед вами, а закончив, узнать, что вы затратили ровно половину того времени, что тратили раньше, когда торопились. И при этом вы все запомнили, увидели и услышали.

С тех пор я неоднократно советовал это разным людям при различных обстоятельствах - и всегда совет себя оправдывал. И, если вы поупражняетесь, останавливая время, которое свободно течет, а затем и то, которое мчится; когда вы научитесь говорить ему «нет», - вы обнаружите, что как только вы победили внутреннее напряжение, внутреннее волнение, суету и тревогу, время примется течь совершенно спокойно. Можете ли вы себе представить, что каждая минута обладает продолжительностью, равной всякой другой минуте? Но ведь это именно так. Нам это странно, но это совершенно справедливо, хотя у нас часто бывает ощущение, что какие-то пять минут пролетели за тридцать секунд. Нет, каждая минута равна следующей минуте, каждый час - следующему часу. Ничего опустошительного не происходит. Вы иногда спрашиваете себя: «Успею ли сделать то-то и то-то?» На это я отвечу вам в русском стиле: «Да, успеете, если не умрете, а если умрете, то дело все равно сделано, потому что вам оно уже не нужно». Есть и другая поговорка на подобную тему, которую не мешает, на всякий случай, усвоить: «Не тревожься насчет смерти. Когда смерть придет - тебя уже нет, а пока ты здесь - смерти нет». Принцип в обоих случаях один и тот же: зачем суетиться и огорчаться по поводу того, что само разрешит все...

Как только вы научитесь не торопиться, вы сможете справиться с любым делом в любом темпе, любой степенью внимания, без осознания, что время бежит и опережает вас. Это похоже на то, о чем я говорил - на время отпуска, когда весь отпуск еще впереди. Вы бываете быстрым или медленным, но не ощущаете бега времени, потому что вы делаете только то, что делаете - и впереди у вас нет никакой цели. Тогда вы узнаете, что можете молиться в любой ситуации - никто и ничто в мире не мешает вам молиться. Помешать молитве может только то, что вы сами позволяете себе находиться в урагане или позволять урагану бушевать внутри вас, вместо того, чтобы держать его за пределами своего «я» - во внешнем мире.

Вы помните рассказ из Евангелия о буре на Галилейском море? Христос спит в лодке, а вокруг бушуют волны. Вначале апостолы гребут изо всех сил, надеясь спастись. Затем они утрачивают надежду - и буря, что бушевала снаружи, входит и в их души. Страх, близость смерти - уже не во вне - они пробрались внутрь. Тогда они обращаются к Христу, то есть делают то, что характерно для всех нас - мы обращаемся к Богу, когда оказываемся в тисках и слышится запах трагической развязки - и негодуем, что Он так спокоен. В Евангелическом рассказе подобные настроения подчеркнуты деталями того, как спал Христос: «положив голову на возглавье». Представляете, какая обида - они тут погибают, а Ему удобно... Это в точности то же самое, что мы зачастую испытываем по отношению к Богу. Как смеет Он хранить безмятежность, когда я томлюсь в тревоге! И ученики Его часто поступают так же, как и все мы... Вместо того, чтобы сказать: «Ты покоен, ты, Господи, скажи слово - и мой слуга будет исцелен; скажи слово - и все придет в порядок», они трясут Его, будят и упрекают при этом: «Учитель, неужели Тебе нужды нет, что мы погибаем?». Христос отзывается. Он встает и говорит: «Что вы так боязливы? Как, у вас нет

веры!» И отвернувшись от них, направляет свою внутреннюю тишину, Свою гармонию и Свой покой на бурю, сказав: «Умолкни, перестань»... И вокруг становится спокойно...

Это и мы в состоянии сделать - должны уметь. Но все это требует систематической умственной тренировки. Точно так же, как мы учимся делать другие вещи. Учитесь владеть временем - и вы обретете способность, чем бы вы ни занимались, каковы бы ни были напряжение, буря, трагедия или попросту суета, в которой мы постоянно живем, - сохранить внутреннюю тишину, быть спокойным и неподвижным в настоящем мгновении, лицом к лицу с Богом. Вы можете принести Богу все, что видите вокруг себя - всю штормовую бурю. Если вы молчите, вы погружаетесь в покой, пребывая в центре циклона - и пусть шторм неистовствует вокруг нас, вы остаетесь там, где пребывает Бог, в единственном месте абсолютной стабильности. Но это место - не уголок, где ничего не случается. Это место, в которое стягиваются все разнонаправленные напряжения, уравнивающие друг друга в могучей руке Господа.

Подлинное молчание бывает порой невообразимо насыщенным - у него есть объем, оно обладает реальной жизнью. Помню место из жития святых отцов-пустынников, один из которых попросил другого произнести проповедь для приехавшего к ним епископа. Тот отказался: «Нет, я не стану говорить. Ибо, если мое молчание ничего ему не сказало, мои слова уж наверняка пропадут впустую». Об этом молчании нам следовало бы узнать больше. И научиться ему. Как к этому подступиться? Все, что я здесь могу, так это рассказать притчу или же привести пример, выведенный из наблюдений за птицами.

Если вы хотите наблюдать птиц в лесах и полях, надо проснуться раньше их. Мы должны подготовиться быть чуткими, настороженными, живыми и абсолютно победившими сонливость до того, как проснется первая птица. Надо пойти в лес или в поле, пристроиться там в кустах, затаиться, стать абсолютно тихими, сидеть молча, безо всякого напряжения, расслабив мускулы, чтобы не шелохнуться и не спугнуть птиц с их чутким сном, иначе они вспорхнут и улетят, так что вы их не найдете и не увидите. Наблюдение за птицами с одной стороны требует тишины, а с другой - повышенной чуткости, потому что, если вы сидите притаясь, но дремлете или досматриваете сны, которые не успели увидеть из-за того, что рано проснулись, вы проснетесь, когда все птицы давно уже разлетятся, а солнце припечет вам спину. Важно, чтобы вы были чуткими и внимательными, но, в то же время, расслабленными и тихими - это и есть сосредоточенная подготовка к созерцательному молчанию. Очень трудно сбалансировать чуткость так, чтобы позволить вам абсолютно непредубежденно, свежим глазом, свободным от стереотипных мнений и предрассудков, получить в полном объеме сведения о том, что вам сейчас откроется. Необходимо добиться соразмерности в полном покое, который поможет вам суммировать наблюдения, не вписывая себя в общую картину, потому что то, что вы есть, ваши впечатления и переживания, способны исказить достоверность происходящего.

Около двадцати лет тому назад, как раз после моего рукоположения, я был послан перед Рождеством навестить одну пожилую чету. Там была старушка, которая вскоре умерла в возрасте ста двух лет. Она подошла ко мне после литургии, которую я отслужил: «Отец Антоний, я хотела бы посоветоваться с вами в отношении молитвы». Я ответил: «Слушаю вас, мадам». И она сказала:

«Вот уже много лет спрашиваю об этом людей, которые имеют большой молитвенный опыт, но никто не посоветовал мне ничего разумного. Вот я и подумала, что вы, вероятно, еще ничего не знаете и, быть может, именно поэтому случайно скажете что-нибудь правильное». Начало было обнадеживающим. Я попросил объяснить суть ее вопроса. Старая леди сообщила: «Вот уже четырнадцать лет я почти непрерывно твержу Иисусову молитву, но ни разу не почувствовала присутствия Бога». Тут я и сказал то, что подумал: «Если вы твердите ее непрерывно, то не даете Богу возможности вставить словечко». Она спросила: «Что же мне делать?» Я посоветовал ей следующее: «Войдите в свою комнату после завтрака, приберите там, поставьте свое кресло перед иконой, зажгите лампаду, сядьте и осмотрите свою комнату. Уверен, что раз все четырнадцать лет вы непрерывно молились, то у вас попросту не было времени увидеть свою комнату. Затем возьмите вязание и в течение пятнадцати минут просто сидите и вяжите перед лицом Господа. Но не произносите ни единого слова молитвы. Просо посидите и порадитесь покоем и уюту вашей комнаты».

Она сочла этот совет недостаточно благочестивым, но решила все же попробовать. Вскоре она пришла ко мне и сообщила: «Вы знаете, получается». Я поинтересовался: «Что получается?» - мне было любопытно, как подействовала моя рекомендация. Она рассказала: «Я поступила точно по вашему совету. Утром встала, умылась, прибрала в комнате, позавтракала, вернулась к себе, убедилась, что в комнате нет ничего, что могло бы меня раздражать. Затем уселась в кресле и подумала: «Боже, в какой прелестной комнате я живу! Я почувствовала такой покой... В комнате было так тихо и мирно. Тикали часы, но и это тиканье только подчеркивало тишину и покой. Потом я вспомнила, что должна вязать перед лицом Бога - и стала вязать. И я все больше ощущала тишину. Спицы задевали за ручки кресла, часы тикали, но ничто меня не раздражало., у меня не было причин для напряжения. И тогда я заметила, что тишина была не просто отсутствием звуков и шума - она имела субстанцию. Эта тишина не была отсутствием чего-то, но присутствием чего-то. Тишина имела объем, внутреннее богатство - и она принялась овладевать мною. Наружная тишина пришла и воссоединилась с внутренними покоем и тишиной». Под конец она выразилась просто поэтично (впоследствии я нашел эти слова у французского писателя Жоржа Бернаноса). Она сказала: «Внезапно я почувствовала, что тишина является присутствием. В сердце этой тишины был Он, кто есть полная тишина, полный мир, абсолютное равновесие».

После этого она прожила еще лет десять и постоянно говорила, что всегда может обрести тишину, когда сама бывает тиха и спокойна. Это не значит, что она перестала молиться. Это означает, что она удерживала созерцательное молчание на несколько минут, а потом, когда душа ее начинала тревожиться, она возвращалась к словесной молитве, пока не достигала успокоения. Тогда она вновь оставляла слова, переходя к тишине. Все это доступно и нам, если, приглушив энергию, заставляющую нас заниматься делами, мы скажем себе: «Я с Богом. Какая радость. Побудем в тишине».

В биографии французского католического священника Жана-Мари Вианей, прозванного «Кюре из Арса» описана встреча со старым крестьянином, который проводил долгие часы, сидя в часовне и ничего при этом не делая. Священник спросил его: «Чем вы занимаетесь все это время? Крестьянин ответил: «Я смотрю на Него, Он смотрит на меня - и мы оба счастливы».

Мы можем добиться этого, достигнув известной степени тишины и молчания. Начинайте с молчания губ, с тишины чувств, покоя тела. Но будет ошибкой, если мы вообразим, что можем прямо начать с высшей ступени - тишины, покоя ума и сердца. Надо сначала заставить замолчать наши губы и успокоить тело, то есть научить его неподвижности, избавиться от всякого напряжения, но не впадая при этом в дремоту и расслабленность, но, пользуясь формулой одного из русских святых, быть подобным скрипичной струне: натянутой так, чтобы она могла запеть - не слишком сильно, чтобы не разорваться, но и не слишком слабо, когда она только дребезжит. И затем мы должны научиться слушать тишину и быть абсолютно спокойными. Вот тогда мы, гораздо чаще, чем думаем, будем узнавать, как осуществляются слова Откровения: «**Се стою у двери и стучу**».

В следующей главе мы рассмотрим основные условия молитвы, то есть обращения к Богу, необходимые, чтобы быть услышанными Им.

V.

ОБРАЩЕНИЕ К БОГУ

В этой главе я хотел бы сказать несколько слов о том моменте, когда мы находимся в особом состоянии, делающим молитву действительно возможной и живой. Из всего сказанного выше и из всех предпосылок, становящихся фоном, следует, что молитва - есть способ войти в общение с Богом Живым. Бывают моменты, когда это общение действительно становится живым. Поскольку речь идет об общении, я хочу начать с того, что равно относится к общению между людьми и к общению с Богом.

Общение, связь становятся личными и реальными в тот момент, когда вы выделяете человека из толпы. Это случается, когда человек оказывается единственным в своем роде. Кто-то говорил об «анонимном обществе», в котором люди называются не по именам и фамилиям, различаются не качествами и личными свойствами, а обозначаются общим групповым признаком: например, «плательщики налогов» и т.п. В наших отношениях с людьми часто присутствует элемент анонимности: они. Мы говорим в третьем лице, когда чувствуем, что кто-то может быть легко заменен другим, потому что связь с таким человеком относительна, не личностна, функциональна, а одна функция - замещается другой, в то время, как **личность** не может быть заменена другой. По-русски я бы сказал, что отношения становятся реальными и живыми, когда мы начинаем думать о человеке в категориях не пустого «вы», а «ты». Здесь не требуется изменение языка - это внутреннее изменение. Вы отлично знаете, что можно иметь отношения по типу «я и ты» или - «я и оно».

Молитва начинается тогда, когда вы перестаете думать о б отдаленном Боге в категориях «Он», «Всемогущий» и тому подобное. «Он» должен стать для вас «ты», то есть из отношений в третьем лице вы переходите в отношения первого и второго лица. Возьмите, например, Книгу Иова, где конфликт налицо. Возьмите множество других ситуаций в Священном Писании и в жизни, в жизни святых и грешников, когда в них наличествует напряжение и яростная очная ставка. Такое всегда лично. Молитвы нет, пока имеется осторожное, отдаленное и холодное отношение, пока между нами и Богом существует

церемониал, пока мы не научимся говорить с Ним, а проходим через длинные серии слов и действий. Но наступает миг, когда мы прорываемся через все это и заговариваем с Ним по схеме «Я и Ты». Мы говорим «Я» и надеемся увидеть в Нем «Ты». Пусть это будет не вежливое «Вы», а простое и единственное «Ты».

Есть еще один момент в близких и теплых человеческих отношениях; момент, когда мы находим имя человека. Я говорю не об общем термине, лишенном значения, но о том, когда мы замечаем, как личность обретает имя. Вы знаете, насколько личностным - в положительном и в негативном смысле - бывает прозвище. Прозвище способно раздавить вас, исключить из общения, разрушить все, что было между двумя лицами; но оно может стать именем, которое употребляют только двое или небольшая группа людей так тесно связанных друг с другом, что прозвище исполнено значения для каждого из них, потому что оно в высшей степени лично. Чем оно абсурднее, тем и более лично, потому что никто не носит его, кроме вас.

Фамилия часто кажется нам чем-то чужим, вроде абстрактного понятия, как, например, «человечность». Слишком много людей носят одну и ту же фамилию. Но если внимательно присмотреться к человеческим отношениям, то мы увидим, что и фамилия есть признаком общности. Из поколения в поколение, в глубь истории, люди нам единокровные, чье наследство - в нашей крови, в наших костях, носили эту фамилию - она связывает нас со многими поколениями людей (зачастую и с людьми будущего). Через различные брачные и семейные связи образуется сеть тесно связанных между собою людей. Если вместо того, чтобы думать о фамилиях, вы поразмышляете о наследственности и генеалогии, то разве это не то, что мы находим в двух Евангелиях в отношении Господа Иисуса Христа? Генеалогия указывает на связь от поколения к поколению с конкретными людьми. К фамилии мы можем относиться с огромным интересом, потому что в одном коротеньком слове сосредоточено наше прошлое, и если с такой точки зрения мы посмотрим на других людей, фамилии обретут новую жизнь. Вместо того, чтобы являться признаком единственности, в особенности - единственности, касающейся непосредственно нас, каким бывает прозвище, - фамилия вдруг свяжет вас через это единственное существо с целым миром людей.

Есть еще и христианское имя, которое дается нам при крещении: через это имя Бог завладевает человеком. Христианское имя соединяет человека с Богом, потому что, получая имя, он умирает с Христом и воскресает с Ним. А еще оно соединяет человека со множеством людей, которое носили это имя, а еще с тем, кто впервые сделал языческое имя христианским, с первым святым, принесшим это имя в церковь.

У нас есть еще одно имя, но мы его не знаем. Помните, в Апокалипсисе сказано, что в Царствии Божиим каждый получит белый камень, на котором будет написано имя - это имя известно только Богу и тому, кто получил его. Это не прозвище, а слово, выражающее всю нашу сущность - оно совпадает с нами, оно есть мы. Мы почти наверняка можем сказать, что это слово, которое произнес Бог, когда пожелал, чтобы мы появились на свет. Это имя есть мы сами, такие, какие мы есть. Это имя выражает нашу абсолютную и неповторимую единственность в отношении к Богу. Никто не может знать это имя, как никто не может в конечном счете знать что-либо так, как его знает Бог, а ведь именно из этого имени происходит все, что известно о нас.

Вы, пожалуй, удивлены, что я сосредоточился на именах. Это происходит потому, что наша молитва связана с Богом - она наша личная связующая нить с Ним и со всем внешним миром. Но когда мы молимся за кого-нибудь другого или за весь мир, мы называем Богу имена - и больше ничего. Эти имена бывают полны значения или же лишены всякого значения, в зависимости от того, умеем ли мы понять глубину того, что произносим. Если мы называем имена перед лицом Бога, не чувствуя имени, просто называя имена, как ярлыки, лишённые глубины, наша связь - низкого качества; если же мы, называя имена, вкладываем в них хотя бы часть смысла, который я попытался раскрыть, тогда наша молитва становится не только поднесением Богу названного нами человека в открытых наших руках, она связывает нас с человеком не только сочувствием и любовью, но и более глубокой связью - тождественности, солидарности, объединения, - а это уже приобретает совершенно иное качество.

Вопрос об имени имеет и другую сторону. Пока мы не нашли настоящего имени для Бога, у нас нет свободного реального, радостного и открытого доступа к Нему. Пока мы называем Бога общим термином «Вседержитель» или «Господь Бог», мы делаем Его имя анонимным - и мы не можем употребить это имя, как личное. Но бывают моменты, когда святые отцы произносили нечто, что было похоже на прозвище, чего никто другой не мог произнести, что находилось на границе возможного и невозможного, а возможным становилось только потому, что между ними и Богом была настоящая связь. Вспомните псалом, когда после ряда сдержанных выражений Давид вдруг восклицает: «О Ты, радость моя!» В этот момент весь псалом обретает жизнь. Сказать «О Ты, Господь!» или «О Ты, Вседержитель!» или нечто похожее - равносильно тому, чтобы излагать Богу факты о Нем, давно Ему известные, но когда вдруг вырывается: «О Ты, радость моя!» - это уже нечто совсем иное. Если вы можете сказать Богу «Радость моя» или «Горе моей жизни, Ты, который стоит в центре всего, как мучение, как вопрос, как камень преткновения»; когда вы обращаетесь к Богу с страстностью, - вы установили с Ним молитвенные отношения.

Каждому из нас очень важно понять, есть ли у нас слова и имена, с которыми, мы знаем по опыту, можно обратиться к Богу. Имена со временем меняются. Иногда мы замечаем одну сторону наших отношений с Богом; бывает, что начинают преобладать другие аспекты: точно так же, как в дружеских и любовных отношениях мы не останавливаемся на одном единственном слове, чтобы называть близкого человека, но употребляем множество слов с различными смысловыми оттенками. У нас есть слова «Вседержитель, Господь, Творец» и у нас есть еще простое имя Иисус, которое я назвал бы христианским именем.

Звучит несколько странно, что у Христа было христианское имя, но, я надеюсь, вы поймете, что я хочу этим сказать. Это напоминает мне спор одной моей прихожанки со своим мужем, не христианином. Он потратил сорок лет, пытаясь доказать ей, что христианство ничего не стоит. Однажды она в отчаянии сказала ему: «Как ты можешь такое говорить, когда Бог сначала был евреем, а потом уже стал христианином». То, что я говорю о том, что Иисус - христианское имя, может показаться вам таким же примитивным подходом, но, тем не менее, это

человеческое имя - и оно было первым, вписанным в христианские святцы. И если вы вспомните об этом, то вспомните и о той близости, которая существует между Ним и нами. И тогда станет яснее, вы это поймете, почему многие поколения укреплялись этим именем. Вероятно, не потому, что апостол Павел сказал: «Дабы перед именем Иисуса преклонилось всякое колено» (Фил.2.10). Хотя это и правильно, но не делает еще имя любимым и теплым. Равносильно говорить о «Вседержителе» или о «Господе», но имя Иисусово - живое, реальное личное имя.

И вы можете найти много других имен. Я уверен, что если вы когда-нибудь воскликнете: «О Ты, радость моя» или нечто в этом же духе - как раз и наступит момент, когда у вас возникнет связь с Богом совершенно личная, только ваша, не та, что разделяется со множеством людей. Я не хочу сказать, что вы не желаете делить ее ни с кем. У нас есть слова к Богу, принадлежащие всем, но имеются и слова, принадлежащие только мне или только вам; подобно тому, как в отношениях между людьми есть христианские имена, а есть и прозвища. Хорошо, если у вас есть для Бога прозвище, которым вы можете называть Его, в которое вы вложили всю глубину своей любви, всю теплоту, на которую способны. Такое прозвище стало бы вашим способом выразить следующую мысль: «В моей единственности и неповторимости, которым я выражаю Твою, Боже, единственность и неповторимость»...

В процессе выяснения, в каком отношении вы находитесь к Богу, до какой степени вы - чужак, вы подходите к порогу, когда начинают стучаться в двери. Все сильнее углубляясь в себя, направляя свою молитву внутрь себя, наконец, находите **дверь, куда можно постучать - и она откроется**, но при этом надо иметь имя, чтобы назвать им Бога. Вы должны в этот момент назвать имя, показывая, что это вы, искавший и ищущий Бога, а не неопределенное аморфное существо, которое ищет безличного Бога.

В процессе поисков вам придется испытать боль, тоску, надежду, предвкушение - всю сумму человеческих чувств. Бог будет тем, кого вы желаете - и Он же будет Недоступным. Он будет Тем, к Кому вы стремитесь от всей души, и Тем, Кто вызывает протест, потому что Он - уклоняется от вас. Тем, кого вы любите превыше всего и всех, без Кого не можете прожить больше одной минуты, и Тем, Кого вы не можете простить, потому что Он не отвечает на ваши призывы. Из этих поисков будут постепенно выплывать слова, которые вы сможете сказать Богу, исходя из собственного опыта поисков Грааля, - и эти слова будут вашими собственными. Вы откроете, что ваши слова совпадают со многими, уже произнесенными другими людьми. Они перестанут быть чужими словами. Они станут общими словами - вашими и ваших предшественников - и в то же время: подлинно вашими. Только не употребляйте слов расхожего словаря, слов, вам не принадлежащих. Когда вы услышите, как на двери позвякивает цепочка, когда у вас появится чувство, что вот-вот она откроется, - тогда произнесите собственные слова и называйте Бога именем, которое Он получил в вашей собственной жизни. В этот момент вы и встретите Его.

В обогащенных отношениях, которые затем воспоследуют, у вас будет много времени, чтобы отыскать новые слова и отказаться от слов ненависти и душевной боли. Подобно мученикам из Апокалипсиса, вы скажете: «... праведны и истинны пути Твои» (15.3). И эти слова смоют все слова горечи и упреков, все имена с жестоким звучанием.. Но при этом вы сохраните все слова и все имена, которые отмечены личным признаком - ваши собственные слова: они-то и являются знаками реальной связи и реальных отношений с Богом Живым.

То, что я сказал о школе молитвы, является, как мне кажется, реальным. Вы можете испробовать такой путь. Конечно, есть еще многое другое, что следует сказать о некоторых вещах, и еще больше - о других. И все же испробуйте данный путь - и вы убедитесь, что это не напрасная трата времени.

Ищите имя, потому что если у вас не будет имени, никто не отзовется, что и не удивительно - ведь без имени нельзя никого призвать.

VI.

ДВА РАЗМЫШЛЕНИЯ

Есть два типа икон Божией Матери. Обычно, (и на западе, и на востоке) мы видим ее с младенцем на руках - Дева, держащая младенца. Это изображение многих идей, а не только Матери Бога, как конкретного лица. Это идея воплощения, утверждение идеи воплощения и реальность воплощения. Это утверждение материнства, подлинного и реального материнства Святой Девы. Внимательно посмотрите на все эти иконы - и вы заметите, что на них Божья Матерь никогда не смотрит на ребенка. Она не глядит ни на нас, ни в пространство - ее открытые глаза устремлены внутрь себя. Она в раздумье. Она не смотрит на окружающее. Ее нежность выражена робостью рук. Она держит ребенка, не лаская Его. Она держит ребенка так, как кто-то мог бы держать нечто священное, что он сейчас принесет в жертву. Вся нежность, вся человеческая любовь выражены в ребенке - не в матери. Она остается Матерью Бога и держит Ребенка не как мальчика Иисуса, но как вочеловечившегося Сына Божьего, ставшего и сыном Девы. А Он, будучи истинным Богом и истинным человеком, выражает ей любовь и нежность человека и Бога, как своей матери и своему созданию. Это - один тип икон.

Второй тип - он встречается крайне редко - это изображение Матери Бога одной, без ребенка и без явного присутствия Христа. Я опишу одну из таких икон. Это русская икона 17 века. На ней изображена русская девушка-

крестьянка: без платка, с широким лицом и волосами, расчесанными на прямой пробор - они падают прядями, обрамляя грубоватое лицо. У нее большие глаза - и она смотрит в бесконечность или в глубину. Конечно, перед ней нет ничего. Если присмотреться, вы увидите руки. Они попросту не могли бы находиться там, где находятся, поскольку это противоречило бы анатомии. Но они нарисованы не для того, чтобы стать частью реалистического изображения. Они выражают нечто большее, нечто такое, что не может быть показано глазами, кистями рук, выражением лица... Они олицетворяют собой тревогу, боль. А в углу иконы - маленький, почти незаметный: бледно желтый на желтом же фоне холм с пустым крестом. Это мать, предчувствующая, созерцающая страдания и крестную муку единственного зачатого ею сына.

Обращаясь с молитвой к Богородице, мы должны сознавать, - а зачастую мы об этом и не думаем, - любая молитва к Ней означает: «Мать, я убил Твоего Сына. Если Ты простишь меня, то я могу получить прощение. Если Ты не простишь, **ничто** не спасет меня от проклятия». Удивительно, как Мать Божия по всему тому, что открыто в Евангелиях, дала нам понять, что мы смеем обращаться к ней с этой молитвой, потому что ничего иного сказать нельзя. Для нас Она - Богоматерь. Она Та, кто ввела самого Бога в наши земные условия. В этом смысле мы называем Ее Матерью Божьей. Благодаря Ей, Бог вочеловечился. Он родился, благодаря Ей. И Она не просто орудие воплощения. Она - та, чья покорность Богу, чья любовь к Богу, чья готовность исполнить Его волю, и чье смирение (в том смысле, о котором я упоминал) были таковы, что Бог мог родиться от Нее. У одного из наших великих святых и богословов 14 века есть отрывок о Богоматери, в котором он говорит: «... се раба Господня; да будет мне по слову Твоему», сказанных Девой, как и без воли Бога Отца». В этом полное взаимопонимание между Нею и Богом. Говоря о воплощении и роли Пресвятой Богородицы, я вспоминаю, как прекрасно это выразил английский писатель Чарльз Уильямс в романе «Все почитают Еву». Он говорит о воплощении, о том, что делает его необычным и единственным в своем роде: «... однажды одна девственница из Израиля оказалась способна произнести священное имя всем своим сердцем, всей душой, всем своим существом и всем своим телом, так что в ней слово смогло воплотиться в плоть». Я считаю это отличным богословским объяснением роли Девы Марии в воплощении.

Мы любим Ее, мы чувствуем в Ней каким-то особым образом Слово Божие, произнесенное Павлом: «Моя сила в немощи совершается». Мы видим эту слабую девственницу Израиля, эту слабенькую девочку, побеждающую страх в себе, побеждающую ад, побеждающую все, благодаря мощи Бога в Ее чреве. Вот почему в периоды преследований, когда сила Божия может выразиться только в слабости, Пресвятая Дева так чудесно, так могущественно стоит перед нами. Если Она могла победить землю и ад, Она есть клад неисчерпаемой силы, и Она может вступить и спасти, и мы подчеркиваем то, что нет между Богом и Ею никакого противоречия, обращаясь к Ней с молитвой, которую обращаем только к Богу и к Ней: «Спаси нас». Мы в такие дни не говорим Ей: «Молись за нас», а только молим Ее о спасении.

VII. СТАРЕЦ СИЛУАН

В 1938 году на горе Афон умер один человек^{*}. Это был совсем простой человек, русский крестьянин, который пришел на Афон двадцатилетним юношей и провел там около полувека. Он оказался на Афоне, прочтя в брошюре о Святой Горе, что Богородица обещала, что за каждого, кто послужит Богу в этом монастыре, она вступится и будет за него молиться. Он расстался со своей деревней, сказав себе: «Если Матерь Божия обещала заступиться за меня, я пойду на Афон, а Ее дело - спасти меня».

Он был замечательным человеком - и в течение многих лет заведовал монастырскими мастерскими. Работали в этих мастерских молодые русские крестьяне, которые приходили сюда на год или на два, чтобы подзаработать денег: копейка к копейке - глядишь, и насобирает несколько рублей, чтобы, вернувшись домой, жениться, построить избу или, купив зерна, поле засеять.

Как-то монахи, заведовавшие другими мастерскими, спросили: «Отец Силуан, почему в твоих мастерских люди работают так хорошо, хотя ты и не следишь за ними? А у нас, хотя мы и непрестанно следим за ними, не отходим ни на шаг, все стараются обмануть нас и увильнуть от работы.» Отец Силуан ответил: «Не знаю, в чем дело. Могу только сказать, как я поступаю. Прежде, чем придти к ним, я всегда молюсь за них, а когда прихожу, мое сердце полно любви и сочувствия - и я плачу от любви к ним. Я раздаю им задание на день - и пока они работают, стою в своей келье и молюсь за каждого из них. Я говорю Богу: «Господи, вспомни Николая. Он так молод - ему и двадцати нет. Он оставил в деревне жену - она еще моложе его, - и ребенка, первенца своего. Представь себе, как ему было тяжело покинуть семью, потому что не мог прокормить их дома. Защити их, пока он не вернется. Будь им щитом от всякого зла. Дай им силу перебиться этот год, пока они врозь, а потом обрадоваться встрече и деньгам, которые он привезет, и дай им радость, но также и храбрость, чтобы одолеть грядущие трудности»... И еще он прибавил: «Сначала я молился со слезами жалости к Николаю, его жене и их первенцу. Но, молясь, я вдруг с такой ясностью ощущал Божие присутствие и оно становилось таким могучим, что я, теряя из виду Николая, его жену, ребенка и их деревню, чувствовал только дыхание Бога. И я вникал в Его присутствие все глубже и глубже, пока внезапно не сознавал, что Божественная любовь осеняет Николая, его жену и сына - и тогда я с любовью благодарил Бога и снова начинал, но уже спокойно, молиться за Николая, но снова я погружался в глубину и бездну любви Божией... Вот так я молюсь за каждого из них, а когда день заканчивается, я прихожу к ним, говорю несколько слов - и мы молимся вместе. Затем они идут на отдых, а я - исполнять свои монастырские обязанности».

^{*} О старце Силуане написал книгу архимандрит Софроний.

Как вы видите, и созерцательная молитва, и сочувствие, и активная молитва требуют усилия и борьбы, потому что он не говорил: «Господи, помяни того-то, того-то и того-то», - а целыми днями молился с сочувствием и любовью, сливавшимися в единое целое.